

ПРИМОРСКАЯ, 49

№ 1, 2020

ПРИМОРСКАЯ, 49

**Альманах Иркутского отделения
Союза литераторов России**

**Братск
2020**

Приморская, 49 №1 2020 год Альманах Иркутского отделения Союза литераторов России : сборник / группа авторов ; сост. : В. Монахов.
– Братск : Полиграф, 2020. – 160 с.

Альманах издан на средства Союза литераторов России, региональное отделение которого возобновило работу в Иркутской области. Основал отделение в ноябре 1992 года инженер, библиофил и поэт, почетный гражданин города Братска В.С. Сербский (1933-2011) по адресу Приморская, 49, где многие годы располагалась библиотека русской поэзии XX века. Библиотека стала одним из главных достояний города на Ангаре. Теперь она находится по Наймушина, 54. Здесь же расположилась и штаб-квартира Иркутского регионального отделения Союза литераторов России.

- © Иркутское региональное отделение Союза литераторов России
- © Библиотека русской поэзии XX века им. В.С. Сербского
- © Составитель В.В. Монахов
- © Оформление «Полиграф»

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В Братске после долгого летаргического сна возродилось Иркутское региональное отделение Союза литераторов России, которое в 1992 году мы создали с поэтом и библиофилом В.С. Сербским. Виктор Соломонович тогда активно поддерживал связь нашей литературной ячейки с Москвой. А потом контакты надолго прервалась... И только в 2017 году столица вспомнила о нас.

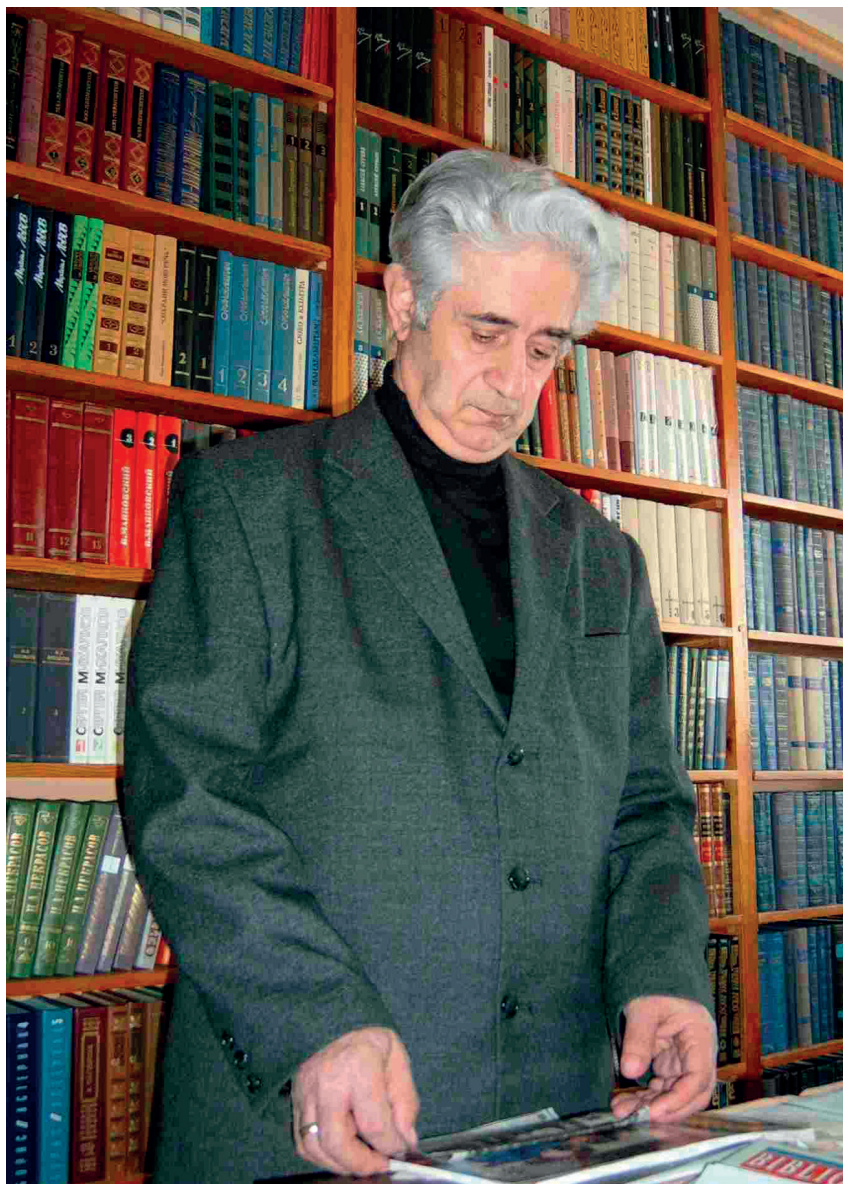
Расширились ряды нашей организации. В творческий Союз вступили: братчане Владимир Сербский (В. Экспресс), Галина Кравец, Маргарита Исакова, Ольга Корепанова, Галина Гнечутская, Виктор Цеберябов, иркутянка Инна Молчанова и жительница Усть-Кута Елена Попова. Коллективными членами организации стали поэтическая библиотека имени В.С. Сербского и клуб «У Сербского».

Мы издаём альманах «Приморская, 49» на средства Союза литераторов России. Название выбрано не случайно. По этому адресу несколько десятилетий располагалась библиотека русской поэзии XX века, которая собирала поэтов града и мира у своих книжных полок. Теперь библиотека находится по улице Наймушина, 54. Здесь же расположилась и штаб-квартира Иркутского регионального отделения Союза литераторов России, прописал который в Братске Виктор Соломонович Сербский.

*Владимир Монахов, руководитель Иркутского
отделения Союза литераторов России*

Виктор СЕРБСКИЙ

(1933-2011)

Баба Катя

Я просто обязан в своей жизни написать одну книгу. Книгу о книгах. Не раз я принимался за это дело. Не получается. Получается, о себе. А кто я такой, чтобы писать о себе? Не лауреат, не депутат, не герой. Кому я интересен?

Бабушка моей жены – 75-летняя Екатерина Игнатьевна Дудаль читать не умела, но очень любила подержать в руках книгу – полистать, посмотреть картинки. Мы иронически над ней посмеивались.

Однажды, изготовив новый стеллаж, я набил его книгами. Через несколько дней, когда мы были на работе, а дети в школе, просев от тяжести книг, стеллаж накренился и стал падать. Заметив это, бабушка подставила под него свою спину. И простояла в таком положении несколько часов.

Придя с работы, увидев эту страшную картину и освободив бабушку от непосильной для нее работы, я спросил ее: «Зачем ты это сделала – пусть бы падал». Она удивилась: «Что ты, Витя, как же можно! Ведь это же книги».

Прошло много-много лет. Давно умерла баба Катя. Моя дочка Катя – ее правнучка, родившаяся за несколько дней до ее смерти и названная в её честь, успела закончить два института, один из них библиотечный.

А картина эта все время перед глазами стоит. И на всю жизнь запомнилось трепетное отношение к книге старого человека, не умевшего читать.

Жертвы политических репрессий на букву «К»

На днях передали мне в библиотеку «Мемориала» книгу, которую я давно ждал.

«Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Том 4. К. Иркутск 2001». В книге перечислено 3500 иркутян, репрессированных в годы коммунистического геноцида, фамилии которых начинаются на букву «К». В их числе и расстрелянный 23 ноября 1938 года в г. Иркутске «японский шпион» кассир артели инвалидов «Байкал» отец пятерых детей Василий Степанович Кирий – дед моей жены и прадед моих детей. Только на букву «К» в Иркутской области расстреляно 1660 человек. Такого массового истребления собственного народа история не знала. Не было такой войны на земле, чтобы гибло столько незащищенных соотечественников на букву «К» и другие буквы алфавита. Почти никто из вошедших в этот кровавый том не ушел из жизни своей смертью. Так шло «освоение» Сибири после Столыпина при советской власти. Вспоминается стихотворение Евгения Долматовского «Братская былина»:

В центре нового города Братска
Монумент из струнобетона,
Словно вдруг устремилось к небу
И застыло белое пламя.
А за ним –
Полукругом –
Плиты,
А на них –
Имена погибших
На Отечественной Великой,
До рождения города Братска.
...Ни один из них не увидел
Стройных линий высоковольтных,

Алюминиевых заводов
И высотных жилых ансамблей.
Двадцать раз на доске – Парилов,
А Муратовых там шестнадцать,
И двенадцать раз Карнаухов
Повторяется, словно эхо.

А в этом красном кирпиче Карнауховы, как эхо, звучат 23 раза, причем 9 из них уроженцы одного села Филиппово Братского района, как косой косили ещё до Отечественной Великой... Перевернем страницу – 30 раз, словно эхо, повторяется фамилия Карповых – от Аввакума до Юрия. Две записи наших земляков для музейной родословной приведу:

Карпов Александр Михайлович 4454

1898 г. р., урож. с. Братск Иркутской области, проживал по месту рождения, работал председателем сельпо, б\п, русский, грамотный, арестован 16.11.37 г., постановлением тройки УНКВД Иркутской области от 26.12.37 г. по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР подвергнут расстрелу (исполнено 05.01.38 г. в г. Иркутске), реабилитирован постановлением президиума Иркутского областного суда от 23.03.57 г.

Карпов Спиридон Михайлович 113

1902 г.р., урож. с. Братск Братского района Иркутского округа, крестьянин-единоличник, б\п, русский, арестован 28.08.30г., постановлением тройки ПП ОГПУ ВСК от 13.10.30 г. по ст.ст. 58-2, 58-3 УК РСФСР подвергнут расстрелу (исполнено 13.11.30 г. в г. Иркутске), реабилитирован постановлением президиума Иркутского областного суда от 09.11.89 г.

Всё. Дальше не могу. Очень здоровое сердце надо иметь, чтобы изучать эту книгу. А она требует изучения. Книга включает в себя небольшую, но очень емкую статью П. П. и Е. П. Бохановых «Исправительно-трудовая» политика ОГПУ – НКВД, в которой приведены карты ГУЛАГа и депортации народов, жалко, что в ней мало материалов о лагерях Иркутской области, правда, воспроизведена редко публикуемая схема «Архипелаг Озерлаг» – одного из самых душгубных ла-

герей бывшего Советского Союза. Большое спасибо всем, кто участвовал в выпуске этой Книги Памяти.

А в конце заметки не могу не сделать серьезный упрек редактору. Книга открывается стихотворением Анатолия Жигулина «Воспоминание», но это нарушение авторской воли, а после смерти автора и вообще неприлично, так как эти стихи в такой редакции печатались только в подцензурном варианте, да еще в книге, составленной Л. Мухиным «Озерлаг: как это было», чем А. Жигулин был глубоко возмущен, тем более, что он просил составителя не упоминать его имени в книге, в которой опубликован стукач Дьяков. Составитель грубо игнорировал эту просьбу. Об этом Анатолий Жигулин рассказал в журнале «Знамя» № 7 за 1988 г., где и привел полный текст стихотворения под названием «Вина» в повести «Черные камни». Между прочим, стихотворение относится к «озерлаговским», поэтому мы включили его в книгу «Ветер Братска», изданную в 1995 году в этой же типографии, где и «Жертвы политических репрессий».

Я привел только три записи из 4 тома «Жертв политических репрессий Иркутской области», их будет еще несколько томов, имеющих подзаголовки «Память и предупреждение будущему». Первый том открывается цитатой из стихотворения великой русской поэтессы, Анны Барковой, проведеншей в застенках коммунистического режима при всех тогдашних генсеках – Сталине, Хрущеве и Брежневе – долгих 27 лет:

«Может быть, через пять поколений,
Через грозный разлив времен
Мир отметит эпоху смятений
И моим среди других имен.

*А. Баркова
Озерлаг, 1954 г.*

И сколько таких «Книг памяти» уже издано на Руси и сколько еще будет издано, а чтобы память дошла через пять поколений, надо об этом повторять громко неустанно и регулярно, а не только 30 октября. По-моему, необходим спе-

циальный указ президента, обязывающий средства массовой информации ежедневно вещать об этом геноциде по радио и телевизору, как исполняется гимн, и передается сводка погоды. Об этом должны знать все, в первую очередь дети.

Виктор Соломонович Сербский

Почётный гражданин города Братска, библиофил, собиратель уникальной поэтической библиотеки, член Союза российских писателей, лауреат премий «Интеллигент провинции», имени Дмитрия Лихачёва «За подвижничество». Автор более десяти книг стихов и прозы. В Братске его имя носит библиотека, которую он собирал свыше полувека.

Владимир МОНАХОВ

Луковая драма без Шекспира

Жена вернулась вечером с работы и сказала:

– Ехала в автобусе, а на заднем сидении немолодая пара всю дорогу обсуждала, где лук лучше и дешевле...

– И что? – равнодушно спросил муж.

– Как это ну и что, Саша? Полчаса ехали и говорили только про лук. Где крупнее, где посуше, где дешевле и всё не могли прийти к согласию. Спорили, обижались друг на друга. Да так шумно, на весь автобус, видимо, уже плохо слышат...

– А потом что?

– Как ни в чем не бывало вышли на нашей остановке, он взял её под ручку, и пошли, наверное, этот лук самый лучший покупать, про который всю дорогу на весь автобус трезвонили.

– А ты проследила куда они пошли?

– Зачем?

– А нашей семье что – хороший и недорогой лук не нужен?

– Вечно шутишь. А я – серьёзно!

– Значит всё хорошо у старичков?!

– Чего же хорошего, Саша?! Им что, только и остаётся всю оставшуюся жизнь про лук говорить? Больше не о чем?

– Почему только про лук? В другой раз они про другое говорят... Главное, что им интересно, полчаса про лук говорили и не надоели друг другу!

– Так-то оно так, – соглашается жена с разумным предположением мужа. – Но хотелось бы не про лук, например, а про Шекспира...

– Шекспир в этом семейном разговоре никакой драмы не увидел бы. Любишь ты к мелочам жизни придирааться и водевили устраивать дома... Вот мы тоже о чем с тобой сейчас говорим – про этот же лук!

– Да ну тебя! – рассердилась супруга. – А я серьёзно. Скучно же так долго и увлеченно про лук ...

– Ничего не скучно – вот говорим же с тобой несколько минут с жаром и полемическим задором. И обрати внимание – только про лук!

– А к нам в город оперная дива Любовь Казарновская приезжает, – решила переменить тему жена. – Ты как, согласен меня сопровождать в субботу на концерт?! Я уже и билеты заказала...

– Согласен! Только хотелось бы узнать, а ужинать мы чем сегодня будем?!

– Луком! – рассмеялась удачной шутке жена и напевая арию «Смейся, Паяц, над разбитой любовью» пошла на кухню готовить!

Письмо без ответа

Посвящается В.Р.

– А помнишь, когда мы еще друг друга нежно любили, то договорились, чтобы с нами не случилось, как бы пути наши не разошлись, но через 20 лет мы обязательно напишем письма друг другу с одним словом «Привет!»

– Ну, что-то такое было, – нехотя согласился я. Мне почему-то не нравилось восстанавливать наше совместное прошлое. Потому что в этих воспоминаниях так получалось, что я вел себя неподобающе...

– Так вот – я тебе такое письмо послала. Взяла адрес у твоего брата и написала «Привет, Вовка!».

– Не получал...

– Да, моё письмо вернулось назад с пометкой, что адресат выбыл... Но как я теперь узнаю, ты до сих пор живешь по этому адресу... Почему же не получил, почему не ответил? – сердилась ты..

– Не помню... – мямлил я, застигнутый врасплох, словно, как неверный муж, попался на измене.

Сегодня я часто вспоминаю этот наш разговор спустя, страшно назвать через какое время, но в моей памяти никак не сходятся концы с концами... То ли письмо мне не показали, из-за частых моих командировок, и заподозрив неладное, отправили назад, то ли я видел письмо, но ничего не поняв, отправил назад... А ведь мог просто выбросить, но почему-то отправил назад!

Что же хотел этим сказать спустя двадцать лет? Главное, что у меня теперь проявилось ощущение: всё-таки письмо я видел, но смысла не понял. А может понял, но был так огорчен разрушительными итогами наших отношений, что решил капризно не отвечать, считая себя в этой истории пострадавшим лицом. Но наверняка в тот момент всё-таки не помнил нашей школьной придумки... Теперь у меня скопилась одна путаница в голове.

— Жаль, — сказала она. — Таковую песню испортил...

— Разве? — не согласился я. — Ведь в конце концов содержание письма мне стало известно... Значит всё сбылось, как планировали...

— Но не так, как мечтали...

— Так может оно и к лучшему... Всё, что мы в этой жизни должны узнать рано или поздно мы узнаем...

— Не знаю, не знаю — у меня осадок на душе остался, — сказала ты...

— Почему?

— Да потому что от тебя я такого письма не получила!

Ох этот конкретный осадок женской души — странное и непонятное психотропное вещество, с которым мне уже больше не справиться...

Банальная не романтическая история

– Наголо? – переспросила удивлённо парикмахер.

– Да! – ответил я.

– И не жаль такие волосы, – вздохнула мастер. – 30 лет вас стригу, а шевелюра, как у молодого!

– Ничего, ничего – новые отрастут!.

Через несколько минут из зеркала на меня смотрело чужое лицо новобранца – таким я себя помню только один раз, когда шел служить в советскую армию.

– Сколько должен? – спросил я у мастера.

– Да господь с вами, – взмахнула женщина руками. – Разве это работа. За такое и деньги брать стыдно. Не понимаю – зачем вам это?

Я промолчал. Оделся, напялил на лысую голову кепчонку, подхватил сумку, попрощался – и вышел из парикмахерской.

На улице ощутил холодное дыхание ранней зимы, которая начиналась в наших краях в октябре. Путь был коротким.

Долго ждал в коридоре. Вот из-за угла выплыла жена в домашнем халатике, который ей стал велик. Шла бочком, бледная, шаркая тапочками. За эти дни заметно состарилась. Защемило сердце, но я постарался улыбнуться. Жена молча села рядом и посмотрела вопросительно. Я отвёл глаза, медленно снял шапку и провёл рукой по лысой голове.

– Ты тоже! Зачем? – прошептала она и беззвучно заплакала, поправляя косынку, под которой не было волос из-за регулярной химеотерапии, которую она проходила.

Посетители онкологического центра не обратили даже внимания на нас. У каждого была своя беда.

Второй ужин

Славин добрался домой лишь в десятом часу вечера. Весь путь он сладостно вспоминал в мельчайших деталях четыре часа, которые провел с любимой женщиной. Три часа в постели, и час за ужином при свечах (дамы почему-то обожают свечной запах), хотя Славина от этого сладковатого запаха слегка подташнивало.

Позвонив в дверь квартиры на восьмом этаже, Славин усилием воли вернул лицу маску трудовой усталости, и приготовился традиционно поцеловать жену в щечку. Но жена встретила его по-деловому сухо, не обронив ни слова, тут же ушла на кухню. Такой прием Славина насторожил, но он счел его даже удачей. Меньше вопросов, значит меньше ответов, по которым женщина может вычислить всё, что угодно. А тем более жена Славина, которая преподавала в школе математику и отличалась научной прозорливостью и житейской проницательностью.

– Ужинать будешь? – услышал Славин вопрос жены из кухни.

– Ужинать? – Славин задумался. Вспоминая свой недавний ужин при свечах, хотел сначала отказаться, чтобы не растерять приятные воспоминания, но как все двадцать лет семейной жизни на автомате сказал, – Буду!

– Тогда мой руки! – командирским голосом приказала жена. В ванной Славин перед тем, как взять мыло, понюхал руки – они пахли любимой женщиной. Причем пахли так сильно, что Славин испугался разоблачения, быстро разделся и полез под душ. Горячая вода смывала с него остатки эротических воспоминаний.

– Чем кормите? – весело спросил он, выходя из ванны.

– Картошка с мясом – твоё любимое блюдо, – напомнила жена.

– Насчет мяса сильно сказано, – подцепив разваренную тушенку, заметил строго Славин. Тушенка, моя дорогая жена, это всё-таки не мясо.

– Чем богаты! – не поддержала иронии мужа супруга.

– А что у нас новенького? – решил изменить тему разговора Славин.

– У нас дай Бог каждому, всё по старому, а вот в семье Дроздовых не дай Бог никому!

– А что такое? – посмотрел на жену вопросительно Славин. Дроздовы – это семья его младшего брата, и если у него проблемы, то автоматически они становятся проблемами старшего брата.

– Милка выяснила, что Андрей гуляет...

– Как выяснила? – запинаясь, спросил Славин, и тут же догадавшись, что вопрос поставлен некорректно, поэтому уточнил, – Что значит гуляет?

– Что значит гуляет понятно и без вопроса. Зачел себе любовницу, если ты этого не знаешь. Это же ваша любимая поговорка – каждый мужчина имеет право – налево!

– Не надо так шутить! – не поддержал иронии жены Славин, тем более, что он был не в курсе амурных дел брата и ему не надо было изображать неискренность. – Откуда мне знать об Андрее. Мы видимся раз в месяц.

– Проехали! А вот как выяснилось – тебе будет интересно знать, – продолжила жена свой рассказ.

Андрюха засыпался на чепухе. Возвращаясь по вечерам домой с работы, братец частенько отказывался от ужина. По жизни Андрюха был поджарым, но покушать любил. А тут его жена Милка заметила – вторая неделя, а её мужчина от ужина отказывается. За стол садится, но поковыряет вилкой еду и отодвинет тарелку в сторону. Не вкусно? Вкусно, но не хочется. На работе неприятности? – наседала с вопросами Милка. Всё нормально. Так и не смогла добиться она от Андрея вразумительного ответа. Прибежала к жене Славина – своей лучшей подруге. А та своим математическим умом

сходу предположила, а может у него баба завелась? И если так, то известно, прежде чем в постель мужика тащить, надо его хорошо накормить. Да брось ты – машет рукой Милка – мы с ним регулярно. В каком смысле регулярно? – не унимается жена Славина. И только после этого прямого вопроса задумалась Милка, что уж которую неделю регулярность стала иной, все реже и реже Андрей исполнял супружеский долг, а если у Милки не было настроения, то охотно соглашался пропустить удовольствия. И растревоженная этим подозрением решила Милка проследить за мужем. И уже на следующий день установила, что подружка у Андрея имеется. И кормит, и услуги интимные оказывает.

– И что Милка? – медленно пережевывая ужин, как можно равнодушнее спросил Славин.

– Милка нормально, а вот твой братец лежит с поцарапанной мордой, отвернувшись к стене, – сообщила с каким-то злорадством жена. И, уловив тень страха на лице Славина, хладнокровно продолжила. – Ворвалась Милка на их разгуляй-малину, побила посуду, растрепала волосы этой проститутке, а в конце набила морду твоему братцу. Ты же её знаешь!

– Знаю! – выдавил из себя Славин. – А что же будет дальше? Развод?

– Нет, кушать будет теперь по вечерам дома, – с ехидной улыбкой произнесла торжественно жена. – А ты у меня чего плохо кушаешь?

– Ну, ты даешь! – неприятно возмутился Славин. – Тут с братом такая беда!

– А никакой беды нет. Будет теперь дома лучше ужинать. А ты кушай, кушай! – жена поднялась и ушла в спальню.

... Славин молча доел картошку с тушенкой и отправился следом, где под личным одеялом, затянутым под самый подбородок, уже почивала супруга. Раздеваясь, а Славин любил спать голым, он увидел свое тело в зеркале. По два ужина в день его, склонная к полноте плоть, не выдержит. И Славин тревожно думал, что надо чаще исполнять супружеские обя-

занности или делать по утрам легкую гимнастику, хотя лучше и то, и другое, но где набраться сил?

Нырнув под одеяло, Славин запустил руку на женину половину кровати, убеждая себя, что нужно обязательно по утрам заняться бегом...

Лопата

*Посвящается
Степану Семёновичу
Пшенникову – строителю Братска.*

Утром из окна кухни Степан Семенович Пшенников увидел, что в огороде стоит лопата. Инструмент с коротким черенком одиноко высился на заснеженном поле, глубоко проникнув штыком в мёрзлую землю, подавая слабый почти неуловимый сигнал, что находится не на своем месте. Степан Семенович удивлённо рассматривал лопату, перебирая в мыслях, как она там могла оказаться, и медленно, медленно, перекатываясь с одной думки на другую, вдруг споткнулся о главное – лопату оставила в огороде Тамара Ивановна.

Это воспоминание обожгло слезами глаза, в которых тут же помутилось, подрезав весь белый свет, а Степана Семеновича отшатнуло в сторону. Чтобы не упасть, он оперся руками на обеденный стол и до детали вспомнил всё-всё, каждый из семи дней, которые он прожил без жены: как скоропостижно она умерла, как набежали соседи, подъехали друзья, прилетели из далеких городов дети, а потом в единой похоронной процессии шли за гробом до самого кладбища, густо заросшего молодыми деревьями. Кладбище было старым, разбитым некогда в лесном массиве. А теперь молодая поросль брала свое, стараясь стереть с лица печального места уныние, вернуть изначальную красоту, поглотив могильный траур красно-желтой осенней веселостью юного подростка. И с актив-

ными зарослями лесного наступления уже никто не боролся, оставив на попечение природы судьбу кладбища.

Омытыми слезой глазами Степан Семенович снова осмотрел лопату в заснеженном огороде. За эту неделю, что он прожил без жены, двор замело, укутало снегом, и расцвеченная листопадом чернота осени уступила место снежно-небесному чистопаду, хотя за текущим годом еще числился октябрь. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: в здешних местах осень была коротка, и зима всегда приходила рано, не равняясь на календарь.

Степан Семенович вялым движением снял с вешалки пальто, надел его, сунул ноги в валенки и пошел к выходу. На крыльце его лицо обожгла солнечная свежая веселость, от которой старым глазам делалось больно. Выждав, когда глаза привыкнут к активной белизне окружи, Степан Семенович осторожно спустился с крыльца и пошел в огород, где сиротливо ссутулившись стояла лопата. Он шел не торопко, гребя ногами снег, набивая следами свежую тропку, вдыхая пронизывающий холод утра, который прочищал тяжело дышащую грудь старика.

«Странно, — думал он по пути, — как это раньше я не замечал лопату в огороде?»

Степан Семенович и Тамара Ивановна прожили вместе пятьдесят два года, и в их семье прагматично планировалось, что раньше умрет по состоянию здоровья муж. Тамара Ивановна всегда старалась пресекать этот бесконечный разговор о грядущих похоронах, который с годами возникал между ними всё чаще и чаще. Но Степан Семенович относился к нему с ответственной серьезностью и, не обращая внимания на возражения супруги, каждый раз давал всё новые распоряжения, ежели ему будет суждено умереть прежде. Но вышло так, что первой ушла Тамара Ивановна. Умерла на ходу, на бегу, в заботах между кухней и огородом, который она в последние дни старательно копала, готовя землю, как она приговаривала, к зимней спячке. Копала усердно, все боялась не

успеть, и потому лопату не убирала, а оставляла там, где заканчивала очередную порцию работы.

Степан Семенович погладил ладошкой рукоять, которая была отполирована неутомимыми руками жены, не почувствовав ни одной шероховатости под дрожащими пальцами. И вспомнил, как пять лет тому назад по просьбе Тамары Ивановны сменил сломавшийся черенок, позвал жену и торжественно вручил обновленный инструмент. Тамара Ивановна потерла рукавицей по свежему дереву, потом несколько раз копнула лопатой землю и молча кивнула, одоббив работу мужа. Степан Семенович напряг память, попытался еще что-то вспомнить из истории лопаты, но тут его окликнул сын.

– Папа! Ты что там стоишь?

– Да вот лопата осталась...

– Что с ней сделается?

– Мать копала огород и не докопала.

– И ты собираешься сейчас копать?

– Копать? Нет, копать уже поздно. Просто лопата стоит тут, и я вот думаю...

– И пусть она там стоит, потом уберём.

– Убирать не надо,- осенило Степана Семеновича. – Пусть постоит здесь.

– Да пусть стоит, никому не мешает, – согласился сын.

– Только не убирайте, – настаивал Степан Семенович.

– Да никто ее не уберет! – успокоил отца сын.

– Пусть так и стоит, а я весной докопаю, – принял решение Степан Семенович и впервые после смерти жены почувствовал рядом с собой присутствие Тамары Ивановны. Какой-то успокаивающей надеждой откликнулась его душа на согревающую мысль, что она никуда не ушла, пока стоит в огороде её лопата, пока остались незавершённым её дело, которое сможет закончить только Степан Семенович.

Владимир Монахов

Родился 1 мая 1955 года на Украине, автор более десяти сборников стихов и прозы. Активно публикуется в журналах и альманахах. Его тексты вошли в антологии «Русский верлибр», «Сквозь тишину. Антология русских хайку», «Приют неизвестных поэтов. Дикоросы», «Антология ПО», «Нестолличная литература», «45 параллель», «Бег времени. Иркутск», «Жанры и строфы современной русской поэзии», «Лучшие стихи 2011 года». За серию философских эссе, опубликованных в журнале «ЮНОСТЬ» в 2005 году, стал лауреатом премии имени Владимира Максимова. В 2009 году за «Русскую сказку» вручена национальная премия «Серебряное перо».

Владимир ЭКСПРЕСС

(В. Сербский)

(Adeli)

* * *

Оцарапать небо рифмой,
Убежать от «чёт и нечет».
Понимать дождя молитву –
Ангел падший кости мечет.
В поле выйти на рассвете
Солнца плоток пива встретить.
Растворившись в интернете,
Своего мы века дети.
Со случайностью на пару
Пропустить Луны прощанье.
И плывёт, расправив парус,
Облачко, как завещанье.

В поезде

Радио гнусавит блатарями,
Километры прибавляют шпалы.
Мы себя считали бунтарями,
Был я молодой и шалый.
А сейчас на полке, глядя в окна
На убогие, чахотные леса,
Вместе с ними я молчу и мокну,
Отражаясь взглядом в небесах.
Новые гремят на марше марши,
Старый гимн на новые слова.
Стал мудрее и уж точно старше.
Слушаю – в лесу растёт трава.

Мне б капельку тепла

Ну вот, пришла пора осеннего итога,
Когда душой раздетой от холодов бежишь.
Мне б капельку тепла, но тяжела дорога
И только ветер мчит, срывая шифер с крыш.
Ах, этот шифер с крыш – ну разве он виновен? –
Застывшей рябью волн дробит остатки дня.
Растёт моя мечта – Эйфелеевой вровень,
Да заедает быт и Солнца беготня.
Казалось бы вчера – а на поверку месяц,
Песочные часы – визитка пирамид.
Я небо подберу, где запонкою месяц,
Накину на плечо. Мечту не удивит.
Моя мечта стара, ей шлёпанцы по нраву.
И в кресле у стены листаем монитор.
И я в Париж и Рим и в прочую державу
Отправлю погулять стихов своих узор.

Восход

против кого мы дружим?
— задумчиво одиночество.
губы остыли в стуже
— что ж, целоваться хочется.
в небе игральной картой
— тёртой десяткой треф —
стая ворон каркает,
что целоваться — грех.
где вы теперь, выстриги
от одеяла неба?
вас самолёт быстренький
забормотал в невод.
плещет зарёй лаковой
на сковородке ночи,
в облачный лёд паковый
спрятаны тонны бочек.
сердце играет в прятки
на полосе безумий,
осень взимает взятки
очередной глазуньей.

Расставальное

автоответчик откапал пилюли дозвона,
чётность совпала с ромашкой авгура
забавно глядеть на краю перрона,
что рельсы – непересекающаяся фигура.
солнце отблескивает в стопкран электрички,
дёрнуть бы /мозг подменяет/ рюмочки три.
мелькают поля и бывшего странички,
где галкой ворона без сыра шустрит.

* * *

А боль – она боксёр, и раунды к финалу.
И каплями дождя отсчитывают счёт.
Пусть мысли, озверев, скинхэдами пинают,
Да только врешь, тоска, поговорим ещё.
Напрасно в сон зовёшь: иллюзия без смысла,
Пусть дни как азиаты все на одно лицо.
Я знаю, будет день – особенный как выстрел,
И в нём любовный жар согреет пальтецом.

* * *

«Лёгкий крест одиноких прогулок»
О.Мандельштам

Лёгкий крест одиноких прогулок
Адресует в небесную синь.
Эхом боли саднит переулок,
Где незрим Бог-отец и Бог-сын.
Этот «грех» – быть свободным от плена
Государства, берущего долг, –
Мне зачтут и объявят изменой,
Попираньем священных догм.
Воцаряют то серп, то корону,
Мглу бараков, соборную спесь.
«Не рабы мы» – но строят в колону.
«Подпишите вот здесь и вот здесь».
Честный флаг одиноких прогулок
Очищает от фальши толпы.

Лампа, стол, лист бумаги, два стула –
Неизбежность отдельной тропы.

Микстура

Ты пытаешь себя Мастером, пишешь ангельские буквы.
В зеркале ведёт фломастером губ изломы цвета брюквы.
То ли Маргарита в ретуши, то ли тень княгини Дракулы.
А Коровьев сбоку в ветоши затевает снова драку ли,
Фантасгармонию, просто выборочный блиц,
«Вы по прежнему Мамоне или вам парад из бикс?»
Дыбом шерсть у Бегемота: там Дозор и тут Дозор,
Чинить примус – не работа, рифмоплётство – не позор.
У Художника призвание сдвинуть с места обывателя.
«Ну, подписано признание претендента на писателя?»
Состоял... и в оккупации... рыл подземный ход в Олимп,
Да... из Сумеречной фракции... предок кистепёрых рыб!
Накатило древней магией, в дрожь Мессир, и в пот Иисус,
На моей эмблеме-флаге – Царь китов и их медуз.
А на них на трёхэтажно Ад, Земля и Рай стоит.
Подсознание заблажит... да стихами отболит.

* * *

Алгеброй гармонию не измеришь, это точно.
До двух сосчитать не сумею, я и Бог.
Сколько воды не кануло, время проточно.
Стоит ли множить на ноль? Я бы не смог.
Сверху Ему видней, а может, во мне Он —
Так ли важно увидеть, значительней знать, —
По контуру неба рисует облако мелом.
Да зёрнами звезд журавлиных ангелов звать...

* * *

Окунулась в Лету призрачная осень,
Всё быстрее течение — к бабке не ходить.
Как ладони к свету покаянья просят!
Тянутся деревья в снежных бигуди.
Сарафаном белым свежая пороша.
Тишина глотает дальний стук движка.
Провода — как вены, вороны ворОжат,
В сердце запятая сбойного прыжка.
Притопило солнце за конёк на крыше,
Зайчики со стёкол скачут под кусты.
Улица в оконцах лампочками дышит,
И душа как сокол — помыслы чисты.

* * *

над пропастью висеть, на пуповине смысла
забыть про тормоза, отправившись в полёт,
соломки не стелить, менять часы на числа,
сестрой назвать звезду, которая поймёт.
которая простит, которая на Млечном
не первый век горит и возвращает дань.
с которой боль пройдёт, одной печалью мечена —
«спасенья утопающих». вручить бы ей медаль...

* * *

это ведь не великом на гвоздь,
там-то просто, что касаемо заплат.
я теперь безумно редкий гость
в отчий край вернусь без предоплат.
без размена памяти на мелочь,
а соседка, ну ты тити-мити,
на воротах рисовали мелом,
да не сбылись детские граффити.

* * *

в хоре гудков и соло диспетчера,
в запахе шпал, рельсов, вагонов,
в сбитом коктейле всего человеческого,
трубочка к Богу — лицо на перроне.
и потихоньку трогает поезд,
как это трогательно руки колышутся,
и остаётся печальная повесть,
что не напишется... нет, не напишется.

Перспектива

горим и тонем, тонем и горим.
и дымом нашим Арктику потаем.
а что народ? о нём не говори,
а земли? – земли отойдут Китаю.

Существо существительное

Что ж, перестать писать стихи? –
Семья дороже.
Поэты – лодыри и психи,
А всё же, всё же
Изнанкой раненой души,
Где кровь наружу,
Пляши по углям, не пляши,
Но в целом – стужа.
И для прошедшего меня –
Бои лишь с тенью.
Балансом совести и дня
– Стихотворение.
Пусть кракозябра загибулин
Непредсказуема,
Но вспоротое забинтует.
Молчи, «Сказуемое».
Здесь главное – «Определение»,
«Предлог» – предлогом.
Неотделимое мгновенье
Меж мной и Богом.

Биткоин

Одиночество протягивает руку,
Копипастит вьюгу и мороз.
Бегали по замкнутому кругу
Саша Пушкин и Иисус Христос.
Что слова? – лишь эхо личной правды,
Где страна синонимом вранья.
Истину познает только правнук,
Время укоряя и браня.
Сладко спать и вкусно есть, казалось,
Будь, как все – и сказка наяву.
Небо давит вековой усталостью,
Проверяет: тем ли я живу.
И один бывает в поле воин.
Душу раскрывая в стиле «ню»,
Я – Поэт. И редок, как биткоин.
Вот за это сам себя ценю.

* * *

Хиросиму чувств уравнивать океаном спокойствия,
мне бы водки чуть: что-то дышится без удовольствия.
С ангелом в полёт, да застряли в воздушной яме.
Комаром поёт одиночества миг упрямый.

Владимир Экспресс (В.Сербский)

Родился в 1957 году на Старом Арбате в Москве, но всю жизнь провёл в Сибири: Норильск, Новосибирск, Братск. Образование техническое. Стихи сочиняет с 1974 года. И чтобы не путали с отцом, еще в молодые годы выбрал творческий псевдоним В. Экспресс (перевернув фамилию). В первое братское литобъединение «Шклинда» вступил в 1987 году. Активно участвует в работе поэтической библиотеки и клуба «У Сербского». Автор сборника «Круги на воде (2020).

Галина ГНЕЧУТСКАЯ

ИЗ РАССКАЗОВ О ДЕТСТВЕ

Подарок

В Братске заканчивался известный Озерлаг и начинался Ангарлаг. Заярск стал его центром. Вокруг были зоны. Охранники гнали заключённых то с работы, то на работу. Это была привычная картина, но для ребёнка непонятная. Наступила зима, хотелось гулять. Меня одели и с куклой на руках выпустили на улицу. Холодно, но мы с куклой тепло одеты. Вижу за дорогой костёр в тумане, подхожу погреться. У костра ходит дядя в рыжей лохматой и очень длинной шубе. В отдалении тоже дяденьки в чёрных телогрейках. Этот – в шубе, а греется один. Те, что в телогрейках, почему-то к костру не идут. «Потому что они работают», – догадываюсь я. Греюсь и думаю: «Почему бы и им немного не погреться?»

Вдруг тот, что в шубе, тихо, но строго говорит:

– Девочка, ты далеко живёшь? Иди домой.

– Нет, рядом.

– Иди домой, – повторяет он. И я ухожу.

Через три дня снова гуляю и снова подхожу к костру. Из толпы чёрных телогреек выходит дяденька, ставит на снег кукольную кроватку-качалку из свежего дерева и быстро уходит в толпу. Главный в шубе тихо, но строго:

– Бери и уходи домой.

Всё исполняю.

Дома переполох:

– Это надо же! Заключённые строят баню, охранник с ружьём греется у костра, а она тоже к костру!.. Ну и кроватка! Ну и хороша! И как они тебя ещё и с куклой разглядели, такую маленькую?! Какую красоту смастерили!

Я была очень горда, что меня заметили, отметили, и даже одарили! Но ходить к костру мама запретила.

Словесные загадки

– Эти загадки приходилось разгадывать постоянно, и не всегда удачно.

Старшая сестра Клара дала мне маленькую картинку, на которой был изображён человек:

– Это Горький, – пояснила она. Я лизнула картинку, но горечи не почувствовала:

– Нет, не горький!

Клара рассмеялась и сказала, что это марка, а на ней портрет писателя по фамилии Горький. Я запомнила.

Когда я поступила в детский сад, один мальчик спросил:

– Ты за луну, или за солнце?

Солнце я любила больше, поэтому радостно ответила:

– За солнце!

– За пузатого японца! – ответил мальчик. Я не хотела никакого японца, ещё и пузатого, поэтому решила снова попытаться счастья:

– Нет, я за луну.

– За советскую страну! – торжественно подытожил мальчик, и такой вариант меня устроил. Но при чём же здесь «пузатый японец»? Не хочешь, а к тебе его приставят. Думала-думала и догадалась, что это складно: «солнце – японца»...

Бабушка, с которой я больше других проводила время, не употребляла плохих слов. В её распоряжении были два ругательства: холера и дармоед. Она рассказывала, что холера – это тяжёлая болезнь. Слушая, я представляла, как бабушка ею переболела. Дармоедами она называла маминых гостей. Других плохих слов я от неё не слышала. Её старшая дочь могла пропустить словечко, а младшая, моя мама, изредка мягко выругаться, что мне очень не нравилось. Мои сёстры, вращаясь среди ровесников, порой смущали грубостью выражений.

Как-то в разговорах о выборе профессии я решила тоже принять участие:

– А кем буду я?

– Ассенизатором! – не задумываясь, подсказала Лера.

– А кто это? Что он делает?

– Да г...чист!

Я была в шоке, и не столько от возможной перспективы, как от неожиданности услышать такое грубое слово, поясняющее непонятное первое. Новое слово я запомнила и за ассенизатором нашего заведения стала наблюдать. Он был неуловим, почти незаметен. Ходил бесшумно и очень быстро, передвигаясь на одной ноге, а вместо второй была прикреплённая к колену деревяшка. Она упиралась в землю и по причине отсутствия на нашей улице тротуара никогда не стучала. В руках этого одинокого человека была деревянная лопата, аккуратно завёрнутая в тряпочку. Он хорошо выполнял свою работу, и в уборных всегда было чисто, а иногда воняло хлоркой, но соседи сказали, что хлорка – это хорошо. Я зауважала его, и однажды поздоровалась, но он ничего не ответил...

К семи годам я научилась читать. Соседи уже знали, что я читаю, о чём сообщили дочери Клары Иосифовны Минне, приехавшей в гости из Ленинграда. Эта взрослая Минна была кудрявая и упитанная особа. Мамочка выразительно заметила: «Ну и Минна – настоящая мина!».

Минна сидела на лавочке подле своей квартиры и обмахивалась газеткой от надоедливых насекомых. Я с любопытством наблюдала её подчёркнутую уверенность. Наша собака Рекс была со мною. И тут кто-то напомнил Минне, что я умею читать. Она развернула газетку и предложила прочесть какое-то длинное слово вроде революции, или социализма. Я напряглась! Даже сливая буквы, я не понимала смысла слова, и потому никак не смогла его произнести.

– Ну вот! А говорили, что умеешь читать! Оказывается, не умеешь! Ну-ка, Рекс, фу, пошёл-пошёл! Что ты мне хвостом

прямо по физиономии! – сказала Минна, хитро взглянув на меня.

Я озадачилась новым словом: физиономия. Что же это такое? Рекс хвостом доставал Минну до уровня её крутого бедра, а до лица хвостом он не смог бы достать. «Значит, физиономия – это попа. Культурная Минна и выражается по-культурному», – подумала я.

Свет

Трудно поверить, что первые годы своей жизни, а это почти четыре года, я прожила при свете солнца и керосиновой лампы. Ни о каком электричестве не было речи, никто из невыезжавших братчан не знал, что это такое. Я так свыклась с керосиновой лампой, что не замечала её, а когда переехали в Заярск, то не заметила электричества – с ним для меня органично связалась жизнь на новом месте. Появилась новая фраза: «Выключите свет!». В сумерки, незаметно для меня, свет включался. Я быстро привыкла к новому освещению, и уже казалось, что так было всегда.

Каждой весной меня привозили на поезде к бабушке в Братск. Тогда ещё не было моста через Ангару, и мы доезжали до станции, расположенной не в самом старом Братске, а напротив – на противоположном берегу. В этом месте Ангара была особенно широка, так как в неё впадала речка Ока. Многочисленные острова здесь были невелики и не нарушали перспективы ангарского русла. Так, по льду, мы перебирались в Братск к вечеру.

И вот теперь, впитывая мягкий свет керосиновой лампы, я почувствовала, как во второй раз (после красной лилии) затрепетала моя душа!

Потрескивание огня русской печки перекликалось с язычком живого пламени высокой настольной лампы, и трудно было выбрать очаг: печка или лампа? Я выбрала лампу. Можно прибавлять её яркость и наблюдать, как при этом на сте-

нах и на потолке чётко вырисовываются наши тени, как движется их хоровод. Но недолго. Бабушка и тётя Шура тут же убавляли пламя, экономя керосин.

После ужина и чая начинались рассказы. О корове, которая уже отелилась, и в доме есть для меня молоко. О подростокшей из семечка яблоне: летом её решили высадить в огород и проверить, зацветёт ли она. О курах, которые уже несутся, и завтра мне сварят яичко. О собаке по имени Мальчик. Мальчик спрятал кость, когда тётя Шура наблюдала за ним, а потом она перепрятала эту кость и снова наблюдала, как пёс ищет свой клад.

Спрашивали и меня о жизни в Заярске. Я что-то рассказывала, но не помню, что. Мне задавали вопросы с подвохом, а я, не догадываясь об этом, всех выдавала, и наша заярская жизнь становилась известна без прикрас. Возможно, я говорила, что теперь не стану есть говядину, потому как точно знаю, что это мясо зарезанной коровы, о которой я долго плакала и не ела суп, хотя мама говорила, что суп из свинины. Своего скота у нас в Заярске не было, я слышала об этом событии от соседей. Потом шли разговоры о разных жителях Братска, о моих подружках. Раин братик умер от скарлатины, и теперь его нет. Чтобы не плакать, я старалась об этом не думать.

Ставни на окнах были давно закрыты, но сквозь щели проникали и скользили по комнате лучи горящих фар почтовой машины. Значит, пришёл поезд из Тайшета, и на машине везут почту. Окно, выходящее во двор, ставнями не закрывалось. На его стекле, как в зеркале, я видела свой силуэт, а сквозь него – крыльцо, слабо освещённое керосиновой лампой. Затем я нащупывала глазом тёмный огород и простирающуюся кромешную тьму над рекою. Далеко и тревожно лаяли собаки. Но здесь, в доме, около печки и лампы, в такой родной обстановке, я чувствовала себя в безопасности.

Клонило ко сну. Руками я водила по кессонной стене-пере-

городке – эта объёмная и крепкая стена тоже давала защиту и стабильность. Я засыпала...

Уже построили мост, и поезд стал приходить на левый берег, к самому Братску на станцию Мостовая. От станции днём мы долго шли пешком, а вечером просились на почтовую машину. И вот я у бабушки!

– Ты ничего не замечаешь? – спрашивает тётя Шура.

– Нет, – с недоумением отвечаю я, оглядываясь по сторонам.

– А ты посмотри на потолок.

Смотрю и вижу на потолке тусклую электрическую лампочку. Она так слабо освещает комнату, что, по сравнению с Заярском, трудно назвать её свет электрическим. От меня ждут восторгов, а я молча киваю: вижу. Потом спрашиваю:

– А где керосиновая лампа?

– А мы убрали её. Теперь не надо покупать керосин.

Так старый Братск утратил для меня половину своего очарования.

Уплывающий остров

В свободное от домашней работы время я бегала на речку. Наша заярская Ангара была не так широка, как братская. Перед нами мчалась только её протока, и взгляд упирался в большой остров, расположенный в ста двадцати метрах от берега. Этот остров стал моей навязчивой мечтой. Я никак не могла попасть в его заманчивый мир тёмных елей, густых зарослей чёрной смородины, полян жёлтых и красных лилий. Я видела эти букеты в руках приплывающих с острова Куприяновичей. Тяжёлые лилии свешивали свои поникшие головы с локтей членов этой большой счастливой семьи. У них была лодка с мотором, поэтому они не боялись быстрого течения. А те смельчаки, которые хорошо плавали и не боялись холодной воды, наискосок переплывали своенравную протоку: их относил течением далеко вперёд.

Я училась плавать долго и безуспешно. Чтобы не тонуть камнем, сёстры научили меня плавать на наволочке. Для этого надо было отжатую мокрую наволочку раскрыть, как парашют, и стремительно ударить «парашютом» о поверхность воды, быстро перекрутить низ полученного воздушного шара-подушки, лечь на воду, упираясь в шар-пузырь подбородком или щекой, и быстро бить ногами по воде. Вот так я плыла вдоль берега, но совсем недолго. Подушка быстро сдувалась, ноги нащупывали дно, и всю эту операцию я повторяла заново. Удовольствие небольшое, но к этому прибавлялись мечты об острове.

Вечером становилось прохладно, и уже не было видно проворных ласточек, вылетающих из своих круглых норок высокого и крутого глинистого обрыва. Мы никогда не жгли костров, и пока не закатится солнце, играли с эхом. Оно протяжное, чёткое и очень живое. Я с ним познакомилась в шесть лет, когда меня, маленькую, сёстры оставили с собой на реке до вечера. В Братске эха не было, и каково было моё потрясение, когда я впервые услышала чей-то сдавленный утробный голос, живущий на острове! Сёстры мне долго объясняли, уговаривали, чтобы я сама что-нибудь крикнула ему, но от страха я молчала. Они же громко орали, но эхо, хоть и соглашалось с ними, пряталось, а значит, таило что-то нехорошее и страшное.

Тогда мне казалось, что таинственный остров плывёт, что под ним вода, а корни деревьев, погружённые в воду, постоянно пьют её, отчего деревья такие пышные и тёмные. И я боялась, что живой заколдованный остров унесёт меня далеко-далеко от родного дома.

Галина Гнечутская

Родилась в Братске, закончила библиотечный факультет ВСГИК. В настоящее время работает в библиотеке русской поэзии XX века им. В.С. Сербского. Стихи и прозу печатала в коллективных сборниках клуба «У Сербского» и в альманахе «Братск творческий». Автор книг: сборник стихотворений «Голубка духа» (Братск, 2010); мемуарный роман «В семи зеркалах» (Братск, 2018).

Галина КРАВЕЦ

Крылья

«Каждый раз нужно прыгать со скалы и отращивать крылья по пути вниз.»

Рэй Брэдбери (Выступление в Брауновском университете)

Крылья всегда вырастали неожиданно и с дикой болью. В самый первый раз это случилось, когда ей было лет семь-восемь, когда одноклассник нечаянно толкнул ее на вершине ледяной горы. Она даже не успела понять, что произошло. Где-то между лопатками возникла резкая боль, взрыв боли! С оглушительным треском разорвались ткани одежды и огромные переливающиеся на бледном зимнем солнце крылья развернулись за ее спиной. Она, кажется, даже потеряла сознание на мгновение от болевого шока. А когда очнулась, уже летела над толпой ребятишек, суесящихся вокруг залитой заботливыми взрослыми ледяной горки на обрыве реки, на окраине городка.

Остатки дикой боли медленно разливались по телу, постепенно растворяясь в ощущении небывалой свободы и в наслаждении полета. Приземлившись у подножия горы, она с удивлением обнаружила упавшие к ее ногам прозрачные крылышки. Они были еще слегка теплыми. Блеск их быстро тускнел, они стали мутными буквально на глазах ошеломленных столпившихся вокруг детей и быстро-быстро рассыпались на миллион крошечных осколков.

Она поежилась от холода, пронзавшего оголенную спину. Мама какого-то малыша кинулась к ней, снимая на ходу с головы теплую шаль и укутала ее, приговаривая: «Надо скорую, у тебя спина в крови, так расшиблась, с высоты-то упала! Лежи, не двигайся!». Девочка медленно встала со снега, огляделась и пошла куда-то сначала медленно, потом все убыстряя шаг, крикнула, обернувшись: «Я верну вам платок! Обязательно верну!», и перешла на бег. Глубокий снег мешал

бежать, ноги проваливались, но боль подгоняла, толкала в спину и она бежала и бежала, пока не оказалась возле родного дома. От мороза ли, или еще от чего, но боль в спине утихла. Дома никого не было, и она долго рассматривала в зеркало, крутясь перед ним и так, и эдак, свою спину, с затянувшейся странно-быстро раной. Розовые рубцы появлялись прямо на глазах. А вот пуховик, свитер, майка — это все просто пришло в негодность. Она изумленно разглядывала свою одежду и не могла придумать, что сказать маме по поводу испорченной одежды. Никто ж не поверит, если сказать правду, в этом она была уверена на 100%. Маме пришлось поверить в рассказ о толкавшихся мальчишках, о торчащих ветках возле горки... А девочка долго пыталась потом понять, что же это было, что случилось с нею там, на горке? И так как спина очень быстро зажила самым неожиданным образом, спустя пару лет, она и сама готова была поверить, что это был какой-то мгновенный сон, потеря сознания с галлюцинациями или что-то вроде того.

Но спустя несколько лет, история повторилась. Они отдыхали с бабушкой в маленьком приморском городке у бабушкиной подруги. Взрослые просыпались рано, вместе стряпали что-то в маленькой тесной кухне, подолгу разговаривали, словно никак не могли наговориться. Потому что виделись редко, разъехавшись после учебы по разным городам. А Тане давали выспаться, набраться сил перед новым учебным годом.

Однажды утром она проснулась от негромкого мяуканья. Сначала она подумала, что ей это снится! Но вот остатки сна уже покинули ее, а жалобное «Мяу!» не затихало. У хозяйки квартиры кошек не было! Девочка прильнула к окну. Седьмой этаж. Высоко! Они с мамой жили на втором. Так высоко и непривычно тут. А на подоконнике сидит маленький котенок, черно-белый, трясущийся и мяукающий! Увидев ее сквозь стекло, он вострепнулся и побежал вдоль по подоконнику. Его коготки стучали по жестяному откосу, скользили по металлу, и она испугалась, что он сорвется! Все задрожало внутри! Что

делать? Откуда он тут? Она увидела открытую фрамугу соседского балкона. Наверное оттуда этот котик сиганул к ним на окно. А обратно прыгнуть не смог! «Бабушка! Тетя Оля! Идите скорее сюда», – побежала она в кухню. Но дома никого не оказалось. Кухня встретила ее вкусными ароматами и запиской: «Танюша, мы с тетей Олей пошли в магазин. Скоро будем. Позавтракай булочками, они еще теплые. И никуда не уходи, жди нас. Мы скоро придем».

Что делать??? Таня вернулась в спальню. Дрожащими руками открыла фрамугу окна. Знала, знала, что это запрещено. Мама миллион раз говорила об этом. Но как же котенок? Его надо спасать. Он метался по откосу, лапки его оскальзывались и Таня испугалась, что не успеет его спасти, и котенок упадет с седьмого этажа! Увидев ее в открытом окне, котик метнулся в дальний от нее конец и прижался там к стеклу. Он дрожал всем телом и было видно, что он очень боится девочку. Таня протянула руку и... не достала. Она высунулась подальше. Но все было тщетно. Встала коленками на подоконник, сдвинув горшок с геранью. Потянулась всем телом, переставила одну коленку на жестяной откос, еще потянулась и подцепила ладошкой мягкий пушистый комочек. Но коленка соскользнула и...ах! Это было очень страшно – лететь зажмурив глаза, понимая, что это конец. Но котенка судорожно сжимала в руке. Казалось, мгновения растянулись на часы. И снова ужасная боль пронзила ее тело. Такая же точно, невыносимая до потери сознания, боль, как тогда, на горке. И снова прозрачные крылья распахнулись у нее за спиной, подняли ее на высоту девятиэтажки и позволили плавно опуститься на траву под тем злосчастным балконом. Котенок вырвался из рук и шарахнулся в сторону подвального окна. Она лежала обессиленная болью на траве и перебирала тонкими пальцами быстро тускнеющие осколки крылышек. Они крошились от ее прикосновений еще сильнее. И таяли, таяли как маленькие льдинки в ладонях. Боль в спине медленно затухала. Но разорванная ночнушка, которую она так и не успела переодеть, красноречиво доказы-

вала, что это не сон. И что она скажет бабушке? И как она попадет в дом? Ключа-то у нее нет! И котенок сбежал — живое доказательство, что она ничего не придумала. Несколько кровавых царапин от его острых коготков не в счет... Спасла ситуацию соседка — девчушка живущая этажом ниже, с которой Таня подружилась на днях, на качелях во дворе. Она все видела! И уже бежала к Тане от детской площадки, где в грустном одиночестве качалась на той самой качели. «Ты не ушиблась? Ух ты, как ты красиво летела! Откуда у тебя такие крылья? Где тебе их купили? Я тоже такие хочу!» Подружка трещала без умолку, не давая Тане ответить ни на один вопрос. Таня лихорадочно вспоминала, как же зовут девочку? Катя? Надя? Эля? Снежана! Всплыло в памяти необычное имя девочки. «Снежана, мне надо переодеться! Ты не одолжишь мне свои футболку и шорты?» «Конечно, пойдем», — Снежана удивленно разглядывала порванную окровавленную сорочку Тани.

— Ты ранена?

— Нет!

— Но вот же, кровь...

— Ну это так, чуть-чуть. Пойдем скорее, пока никто не видит! — по утихающей боли, Таня уже понимала, что раны на спине быстро затягиваются и скоро от них не останется и следа.

Пока она переодевалась в одежду, любезно предложенную Снежаной, Таня все рассказала новой подруге. Ей нужен был совет, как не напугать бабушку? И о, чудо! У Снежаны был ключ от квартиры тети Оли!

— Тетя Оля сама нам его дала на всякий случай! Они дружат с моей бабушкой. И специально обменялись запасными ключами, потому что уже старенькие, все забывают... Вот и решили, чтоб у соседей были ключи, вдруг уйдут и дверь захлопнут? Или заболеют и скорую надо будет вызвать? Дом старый, все соседи друг друга знают и живут дружно.

Отвела Снежана Таню в квартиру тети Оли, заперла потом дверь и убежала опять гулять. Ждать, когда Таню отпустит бабушка тоже во двор. Снежану Таня попросила никому не

рассказывать об увиденном. Потому что все равно никто бы не поверил. Только врушкой прослывешь. Так у девочек появилась общая тайна.

Снежана, казалось, быстро забыла о необычном происшествии. Но иногда она подолгу задерживала взгляд своих глубоких синих-синих глаз на лице Тани. Посмотрит и замирает. И будто пытается разглядеть что-то неземное в этом простодушном личике подруги. Таня ничем не выделялась среди других детей. Круглолицая хохотушка, с русыми волосами, заплетенными в аккуратные косички заботливой бабушкой. Стройная, длинноногая, резвая в играх, рассудительная и умеющая находить компромиссы. Дружить с нею было одно удовольствие. Она не шла на конфликты, не старалась, чтоб все было непременно по ее, как делали многие другие девочки. Только вот на пляж загорать никогда не ходила с подругами. Отговаривалась, что бабушка не отпускает... Снежана подзревала, что это из-за шрамов на спине. Она-то их видела!!!

Прошло несколько лет. Каждое лето Таня приезжала с бабушкой к тете Оле в гости, и они по-прежнему встречались со Снежаной. С удовольствием рассказывали друг-другу о событиях прошедшего года. С удивлением отмечали изменения друг в друге. Из голенастых девчушек они превращались в юных нимф. Тела округлялись, наливались соком. Таня все чаще уже не заплетала косички, а чуть подрезав концы волос, носила их распущенными, рассыпанными по плечам роскошными локонами. Снежана же носила короткую стрижку, которая очень шла ей, подчеркивала длинную гибкую шею, открывала загорелые плечи и только длинная челка все время падала ей на лицо, скрывая на мгновение взгляд все таких же, как прежде, синих-синих внимательных глаз. Снежана резко скидывала голову и отбрасывала непокорную челку назад.

Однажды Танина бабушка пригласила девочек на прогулку:

– Давайте, девчонки, поднимемся на подъемнике на вершину горы, где установлен маяк. Там наверху есть очаровательное кафе и прекрасный вид на море. Видно далеко-дале-

ко! А если повезет, то и на маяк на экскурсию ходим.

Девчонки с удовольствием согласились. Подъемник был достаточно старым, но вполне работоспособным. Десятки желающих в этот солнечный день отправились на прогулку к маяку. Таня со Снежаной и бабушкой Тани уселись в удобное примитивное кресло-лавку на троих и работник подъемника – рыжеволосый вихрастый, веснушчатый парнишка, заботливо опустил рычаг, удерживающий пассажиров в кресле. «И это все?» – опасливо подумала Таня: «И никаких ремней безопасности?»

Девочка впервые поднималась на таком подъемнике и ей стало не по себе. Она вертела головой по сторонам, замечая разные мелочи: вот впереди них едут на таком же кресле молодые родители с малышом лет пяти. Вот все дальше вниз убегают огромные ели на склонах вдоль просеки, где установлен подъемник. Вот уже только верхушки елок видны с шишками на самых макушках. Кажется, руку протяни и ты сможешь сорвать шишку!

Громкий возглас впереди заставил всех вздрогнуть. Все случившееся следом произошло в какие-то доли секунды, но для участников событий это мгновение растянулось во времени самым непостижимым образом. У малыша на сиденье впереди соскочил с ноги сандалик. Ребенок дернулся за ним и соскользнул с лавки, нырнув прямо под удерживающий рычаг. В тот же миг Танина бабушка уже летела вслед за малышом над верхушками елей и сосен и за ее спиной развевались огромные прозрачные крылья, переливающиеся на солнце лиловым и бирюзовым. Таня неожиданно для самой себя оказалась летящей рядом с бабушкой и в изумлении, потеряв дар речи, только успела подумать: «Хоть бы малыш не перепугался!» Бабушка уже подхватывала его на руки, когда оглянувшись, увидела внучку. Ее красивые глаза, сильно увеличенные стеклами очков стали еще больше. «И ты???» – только успела прошептать бабушка, и они синхронно приземлились на траву на просеке возле одной из опор подъемника. Осколки

крыльев таяли на траве, смешивались лилово-бирюзовые бабушкины и нежные розово-голубые Танины в капли росы на сочной изумрудной траве. Малыш громко плакал от испуга, привлекая внимание проплывающих высоко вверх отдыхающих. Он нисколько не ушибся, крепкие бабушкины руки поймали его высоко над землей и мягко опустили в траву. Таня с бабушкой обнялись и, не сводя глаз друг с друга, молчали. Сверху, от маяка по просеке неслись родители мальчика, обзвумев от горя. Они были еще далеко и ничего не знали о судьбе своего ребенка...

Галина Кравец

Родилась в Ленинградской области в г. Светогорске. С четырёх лет проживала в Иркутске. Там прошли счастливое детство и беспечная юность. После окончания политехнического института работала в Братске по специальности «инженер-системотехник». Есть публикации на разных сайтах, таких как «45parallel.net», «Стихи.ру», «Проза.ру», «Рифма.ру». В 1991 году была лауреатом (2 место) областной конференции «Молодость. Творчество. Современность» в г. Иркутске. В 1998 году издала первую книжечку стихов «Заповедная зона». В 2018 году издала вторую книгу стихов «Мамино колечко». Неоднократно публиковалась в различных альманахах, литературных журналах и сборниках.

Инна МОЛЧАНОВА

Сказание о Сергии Радонежском

I.

Здесь, у Байкала, где живут ветра,
свободы море, как и жизни море.
Мой светлый холм. К тебе спешу с утра –
встречать зарю. Я с жаворонком спору:

о месте этом, где семейство трав
питает рой, благоухая медом.
О месте этом, где давно пора
поставить храм живущим, а не мертвым.

Восходит путь. Блаженство мыслей тут
не прерывает городов гуденье.
Здесь Бог один. Он носит имя Труд.
Труд обреченный. На Благословенье.

Тут Пронька жил. Святым был, говорят.
И бьет родник, таясь в таежной сени.
Здесь водопой. И звездный пьет отряд
перед дорогой... дальней... по Вселенной.

Лишь сеть тропинок – целина округ.
И земляника по холму стекает
ковром багряным, дожидаясь рук
тех, за холмом, где раздаются лаи

их сторожей... Под сопкой – сонный час.
На хуторок спускает ночь Морфея.
И только лунный одинокий глаз
циклопом бдит, пока не посереет.

Пока не вздыбит солнечный Геракл
бульон небесный, клокотая одадь,
и меж еловых крючковых лап
туман свои не разметает своды...

Достанем чай. Заваривать не лень –
шиповник горд смородиновой дружбой.
Но это что? – Брусничный лист теперь
класть в кипяток, отмеривая, нужно!

Ну, вот, готов... И чай, и разговор –
нам с Другом есть, о ком судакать – треба.
Я помолчу. Какой же с Богом спор? –
Пока еще не доросла до неба.

II.

Поманит он в седую быль и старь.
И голограммы, как бесята, вспляшут,
агиографий теребя словарь,
где столько дат, что в голове лишь каша.

– Он был, как был, – вещает мне Сварог. –
Четыре палки, огурец... кружочек.
В семье обычной рос, как колосок.
Учился плохо, даже плохо... очень.

– Науки суть была не по зубам?
– Да нет наук, обороченных в камень!
Я старца к нему как-то подослал.
Просфору съел – заговорил стихами!

– А дальше что? – питаю интерес. –
За что святым проговорён в народе?
И Бог замолк. А шелест тронул лес,
тасуя листья картами в колоде.

С далекой тучи рокотнул посыл,
и полоса пошла над полем дальним.
И, набираясь августовских сил,
гроза, к нам направляясь, замигала.

По взгорку – дрожь. Травинки пали ниц.
Закрыв лоток незрелый одуванчик.
И пронеслась ватага серых птиц
ловить мошку, нести в гнездо-карманчик.

А меж еловых многовечных лап
обрисовались контуры святого.
И муравьи, спасая свою кладь,
заторопились к насыпному дому...

Упала капля Богу на лицо
увесистой предшественницей ливня.
И вылез гриб, как старец на крыльцо,
зовя маслят доверчиво-наивных.

– А дальше было... Переезд родни.
Варфоломей (так отзывался отрок),
молитвами опорожняя дни,
дождался окончания их срока

и с братом удалился думать в пустынь...
Здесь, закатав по локоть рукава,
деревьев вал наворотили густо
и стали строить... скит и закрома.

– А где же было это, бог Сварог?
– В земле Ростовской. Там татаров орды
да распри местных, где любой князек
себя как Бога зрил на небосводе.

Еще в утробе матери своей,
когда однак служили литургию,
три раза прокричал Варфоломей –
так Отче наш предупреждал Марию.

А, будучи младенцем, в постный день
малютка не питался ее млеком.
И шли беседы меж мирских людей,
что станет он великим человеком.

III.

Со Стефаном (брат был уже вдовцом)
в бору глубоком у ручья под горкой
трудились и молились за отцов,
но брату жизнь была не сладкой – горькой.

Знать, Стефану та пустынь не далась:
с утра до ночи обходи округу,
руби, столярь, готовь из зелья мазь
да зверя привечай в дому, как друга.

И отбыл брат в неблизкие места...
Варфоломей, подумав, принял постриг
от Митрофана (Сергием так стал)
и зажил жизнью праведника – просто...

Прошли так год, и два, и после – три...
Молва пошла, и прибивались к тыну.
Пускал к себе, но строго запретил
жить подаяньем – только труд отныне.

Росла и крепла церковь средь лесов,
и пополнялась строгая община,
сияя многозвучьем голосов
Святого Духа и Отца, и Сына...

IV.

– Скажи, Сварог, он знал язык зверей?
– Не только знал! Он был им другом, братом.
Не запирал ни окон, ни дверей,
поскольку нет средь зверства супостатов.

Зверье живет по правилам иным:
убить зазря невысказано в природе.
И только, если голодом томим –
тогда в других спасение находит.

Берет лишь тех, пригоден кто к еде
(ведь выживать положено сильнейшим?).
Без санитаров леса быть беде.
И Сергей тоже был тут не безгрешен.

На пропитанье вся монашья рать
коренья собирала для соленья
и ягоду, и дикоросов кладь...
К скромному – охотили оленя.

Доили коз, варили сыр и мед,
пасли баранов по лесному взгорку.
А на посты – капусточку под гнет,
орехи, калачи да блиньев горку.

И... строили. И клали в роспись дух
Троих Святых, и восхваляли небо.
И шел в народе благодатный слух,
что монастырь – богатый, а не бедный.

Дошла молва и до высоких врат –
до патриарха. Тот послов отправил
и грамоту, где одобрял Царьград
деяния, согласно своду правил.

V.

– Ты обещал рассказ о чудесах.
– А разве храм воздвигнуть – не чудесно?
Когда он был один в глухих лесах,
услышал крик – могучий, безызвестный.

До этого он не встречал Царя –
лишь только слухи доходили раньше,
о том, что кличут люди так не зря
огромное чудовище из чащи.

Молясь, услышав этот грозный зов,
бесстрашно вышел Сергей на подворье
и... обомлел: медведь к нему пришел!
В глазах его такое было горе...

В тот год нелегкий стал голодным лес:
малинники, шиповник – в недороде.
Как будто дождь похитили с небес,
как будто кто-то мстил самой природе!

И Сергей голодал. Но взял паек –
краюшку. Разделил наполовину
и положил медведю на пенек...
И съел медведь. И стал ручным отныне.

Или такое ходит: как-то раз
мальца взяла хвороба, и родитель
услышав о святителе рассказ,
направился с болеющим в обитель.

Дорогой хуже стало. А ко дню,
как довезли, ребенок умер тут же.
Пока отец ходил позвать родню,
то Сергей, пояс затянув потуже,

молитвами стал звать к нему Христа...
И луч скользнул по половицам стертым.
И мальчик... встал... Здоровеньким восстал
из мира, предназначенного мертвым!

Отцовской ради не было конца:
ведь первенец! Единственный и милый.
Расцеловал он лики и Отца,
и спущенного к людям бого-Сына...

Но то – еще не все. И не конец.
Хотя в «воскреснуть» – суть любой молитвы.
Был подвиг главный. Подвигов венец,
исход решивший в Куликовской битве.

VI.

Пошла на Русь великая беда:
Мамай собрал на битву свое войско,
намереваясь выжечь города,
сломать славян, сгубить и веру вовсе.

Донской Димитрий, чтоб изгнать татар,
свои полки готовил в бой с Ордою
и к Сергию с дружиной прискакал,
и попросил о помощи. Святою

водою преподобный окропил.
Молебен отслужил и двух монахов,
имеющих науку войных сил,
послал в защиту правды Мономаха.

Жестокой битва, страшною была.
Кровавые текли по полю реки.
Над братскою могилой, где тела
героев схоронили, стала церковь...

И ныне день считается святым:
восьмое сентября – знак поминальный.
Стоят над нашей Родиной кресты,
как доблести и высшей веры знамя!

VII.

...Гроза прошла. Закат склонил ко сну
парад желтоголовый одуванов.
Вернулся дятел полечить сосну,
вдали пастух погнал к селу баранов.

Закукарекал под далекий звон
петух, сзывая на насест гарем свой.
И ветерок коснулся нежных крон,
добавив шелест в тихую окрестность.

– Пора и мне, – поднял клюку Сварог, –
о старце можно говорить часами.
Он столько в веру праведно вовлек
и стольким души залечил и раны,

что весть о нем семь сотен лет жива,
а весть его – бессмертна и поныне...
Такой и будет. Будет, как трава
расти везде, в любой земной пустыне.

Оставил он и храмов легион.
И несть числа легенд и предсказаний.
И клад чудес, где тот, кто посвящен,
откроет море навыков и знаний.

Ты говоришь, течет здесь Пронькин Ключ? –
То не случайно. Ибо Сергей – всюду.
Его заветам следовать точь-в-точь
всегда желанно нравственному люду.

Чудес не будет, если ум ленив,
если добро не поместить меж ребер,
если способен гадить средь могил
или искать наследство подле гроба.

Чудес не жди, когда спесив и черств;
когда швыряешь деньги на дурное;
когда не слышишь предсказаний звезд
и никого не ценишь пред собою;

когда плюешь и в сердце, и в очаг
тебя родившим и с тобой живущим;
когда нет слез сочувствия в очах;
когда богатым хочешь стать – не лучшим...

Не жди чудес. Корма, да не в коня!
Лечиться хочешь – поживи, как Сергей:
чтоб без труда не допустить ни дня,
чтобы пошла вселенная энергий

на очищение камеры брюшной,
где сердце голо перед высшей мерой
и не дрожит пред золотой мошной,
а кровь несет, очищенную Верой!

VIII.

Куда исчез?.. С грозой ушел Сварог..
Лишь пышный шмель, как сторож, бдит в закате.
Последний луч мечом пронзает лог
и цокотух, зовя по щЕлям спать их.

В лукошке пусто. Ни грибов, ни мхов!
Уговорил до знако-препинанья..
Так как же вышла из грозы – сухой?
А, может быть, зонтом мне были... знания?

Поет ручей... По-прежнему ничей.
Ничьей рукой не обихожен светоч.
Берут здесь все, но не слышать речей,
чтобы – часовню... Вон, бросают ветошь,

а рядом – свалка... Пили напролет.
Даже шалаш соорудили, черти.
Но без обид на благо жизнью бьет
родник, гоня посланцев смерти...

Был Пронька-то? У Сергия личин,
как и у Бога – до ядреной шишки!
И потому есть тысяча причин,
чтоб храм поставить. Будет не излишне.

Пробить дорогу, положить асфальт,
навесы грудой начудить под сопкой...
...Но лучше – нет! Не люб святому гвалт.
И вера тоже – из десятка робких.

Ее держать, как голубя, в груди.
Не выпинать кресты на огляденье,
как выпирают мамки животы,
не испростав невызревшее семя.

Ее скромнИть, ее беречь, как зен!
не подпускать к истоку прокаженных.
Вода – священна. Из подземных вен
несет живицу... Из родного лона.

Вода – живая... Много есть причин
здесь вспоминать о Сергии блаженном.
И Пронька тоже – эн-ный Божий сын,
которых много среди прочих бранных...

Инна Молчанова

Родилась во Фрунзе, детство и юность провела на Украине. Бамовец. Окончила Иркутский государственный университет. Работала главным редактором областных газет. Издала пять сборников прозы, поэзии, публицистики. В настоящее время ведет литературную и общественную работу в сети Интернет.

Елена ПОПОВА

Давая свободу полнейшую воображению...

1.

«И скучно, и грустно, и некому руку подать».
И сиднем сижу я в квартире, как в склепе пустынном.
Друзья отстранились. О, как это просто – предать,
Не каюсь в поступке нечестном, циничном, бесстыдном!

Друзья отстранились, а были ли, впрочем, они?
Похоже, что раньше их, мнимых, и не было вовсе, –
Надеясь: найду утешение я у родни.
Но в жизни успешен лишь тот, кто сильнее и ловче.

Я этот закон опровергнуть никак не смогу,
Другими не раз и не два он давненько проверен.
Уйду без оглядки в глухую ночную тайгу.
Сверкают глазами голодные, злобные звери,

Подтаявший снег приминая, во тьме стаей рыщут,
Но только страшнее, чем сами, мы вряд ли отыщем.

2.

Но только страшнее, чем сами, мы вряд ли отыщем.
Не нравится облик? На зеркало толку пенять...
Заря запалила на небе вечернем кострище,
Чтоб старое сжечь и на новое враз поменять.

Не первые звёзды, а шают во тьме головёшки.
Рассыпались искры, того и гляди, подпалят,
Оставят от шара земного лишь рожки да ножки –
Цветущую нашу планету огнём оголят.

А пламя всё ярче. Тушите его, водолеи,
Простор поливая небесный из млечной реки!
По кромке немного тускней, ближе к центру – алее.
Сожжёт, так дотла. И оставит одни угольки.

А дальше?.. Хотелось бы понаблюдать,
Да ночью беззвёздной, увы, ничего не видеть.

3.

Да, ночью беззвёздной, увы, ничего не видеть.
Хоть с лупой ходи, всё расплывчато в мире, аморфно.
Одна во Вселенной, и впору бы мне зарыдать,
Но есть анальгетик для душ человеческих – морфий.

Из крайности в крайность. Блаженства накатит волна,
И тут же привидится явно и правдоподобно,
Как стог, золотая во мраке кремешном луна.
Подпрыгнуть бы выше... Разбег не взяла, неудобно.

Но, впрочем, под кайфом не будет препон и преград,
А мысль человека другую реальность построят.
И пальцем ткну в небо я, пусть наобум, наугад...
Присесть бы, не очень удобно выдумывать стоя.

Упасть бы в стог сена с размаху: там вроде почище.
Кого разглядишь тут? Сплошная кругом темнотища.

4.

Кого разглядишь тут? Сплошная кругом темнотища,
Как будто чернилами кто-то пространство залил,
Наполнив небесную чашу без крышки и днища...
А я не пойму, где нашли в мире столько чернил,

Что хлещут потоком на спящую землю, как в прорву –
Огромная клякса расширилась вмиг, расползлась.
Так лист намокает тетрадный, помят он и порван,
А ты, если сможешь, чернильную мглу перекрась.

Но, впрочем, не надо, случайно шедевр не испорти.
Творец, создавая его, в размышленьях корпел,
И с Ним никогда, живописцем великим, не спорьте.
Ошибочно думать порою: «Кто смел, тот и съел».

Должно быть, что так же Малевич писал, Казимир...
Квадратом – зовущий, манящий таинственный мир.

5.

Квадратом – зовущий, манящий таинственный мир,
Окно не в Европу – в другое совсем измеренье.
И здесь заблудиться легко, потеряв ориентир!
В неведомом мире том всё пребывает в движении,

Вращаясь вокруг всевозможных небесных светил –
Гигантов и карликов, что остывают, сверхновых
(Украдкой тревожимся: только хватило бы сил
Продолжить полёт; путь проложенный – не тупиковый),

Вдобавок, вращаясь вокруг вероятной оси,
Пусть воображаемой: кто хоть когда-нибудь видел?
И нам унестись бы в лазурную даль, в небеси,
Да только художник, подумав, лазурь эту вытер,

Искусству, и только ему отдаваясь всецело.
В картине нет светлых мазков, ведь давно свечерело.

6.

В картине нет светлых мазков, ведь давно свечерело,
Лишь ближе к восходу светлеет высь и голубеет
Рекой полноводной. Нет шири небесной предела,
А волны лопочут, рокочут (ласкаяще, после – грубее).

Там с утлой лодчонки закидывать впору бы сеть,
Домой возвращаться со знатным, богатым уловом,
Пока не успело по новой внезапно стемнеть.
Довольно талдычить об этом, ведь важно одно вам,

А именно жажда познания, какую не скрыть.
Намажь загустевшую темень на хлеба горбушку:
Вкуснее кетовой и даже заморской икры!
И можно капусты хрустящей чуток из кадушки.

Да, с этим понятно – пожалуй, пойдёт на гарнир.
Но мы отвлеклись, там повсюду – безмерный эфир.

7.

Но мы отвлеклись, там повсюду – безмерный эфир,
А ночью плотнее становится он и тягучей.
И я, как великий и непревзойдённый Шекспир,
Любуюсь сиреневым маревом – высью зыбучей.

Субстанция та ещё эта нависшая хмарь!
Кисель непрозрачный, не знаю, кого поминают,
Но всё же получше, чем мутный поддельный вискарь
(По разным бутылкам из бочки одной разливают).

А по небу тучи, и ходят они ходуном...
Пред ширью простёршейся я преклоняю колени.
А сверху взирает Господь. В думах Он о земном
И многое мне открывает в часы откровений.

Диктует стихи. Поскорей записать! Не успела.
Всем место под солнцем нашлось, только я не у дела.

8.

Всем место под солнцем нашлось, только я не у дела.
А, впрочем, какое тут солнце? Черным-пречерно.
Тарашусь в окно: хоть бы зорька на небе зардела!
Пока что просыпано всюду золотое зерно.

Не всюду, допустим, а курам просыпано на смех,
Собакам на драку, уж лучше бы бросили кость.
Так вот что бывает, коль делать не думая, наспех.
Кого накормить сможет эта неполная горсть?

Заря поутру петухом что есть сил кукарекает,
Ему и клевать эти злаки в космической мгле.
Кто видел, поддакнет, что зрелища нету эффектной
И в выси безмерной и ниже, на грешной земле.

Но тщетно всё: лезет противная в душу хандра.
Не знаю, смогу или нет дотянуть до утра.

9.

Не знаю, смогу или нет дотянуть до утра.
Петух – в киселе. Растянулся на нём, поскользнувшись
(На славу трудились небесные, знать, повара,
Они и не это сварганят ещё, не уснувши),

Потом отряхнётся. Ему я рукою махну,
Как старому доброму другу: здорово, однако.
А мне бы лопату, и вязкую массу копну.
Скрывается что там, внутри беспросветного мрака?

Не лучше ничуть в черепашке болезной моей,
Несу околесицу я по известной причине.
Беда, что язык весь смозолила, он без костей,
Но это полегче, чем брёвна таскать на хребтине.

Предчувствие давит: случится ужасное что-то,
Избавиться мне не дано от душевного гнёта.

10.

Избавиться мне не дано от душевного гнёта:
Не надобно морфий, припадочной, в спешке глотать,
И действием оного разум несчастный измотан,
Но странных видений клубок до конца размотать

Попробую. Был ли в истории этой наркотик,
А может, всё проще: заклинило что-то в мозгу?..
Но лучше рискну обойтись в этот раз без экзотик
(А вдруг, да получится, вдруг излечиться смогу?).

И в полной прострации к образам вновь прибегаю,
Хочу мысли-формы однажды в едино свести.
Мои рассужденья народ недалёкий пугают:
Не зря, знать, сидела немерено дней взаперти

В жилище своём (тут, скорее, кротовья нора).
От частых заскоков, увы, не спасут доктора...

11.

От частых заскоков, увы, не спасут доктора,
И вряд ли общения с ними всем сердцем я жажду.
Но сколько ещё продержусь? Да денька полтора.
Рекорд этот спорный и скромный побить может каждый.

А значит, бывает любой человек одинок,
Ему лицезреть, что до этого много раз видел.
И разум людской – это бесперебойный станок,
Стихи выдаёт он в случайном смещении литер.

И чувствуем с космосом мы изначальную связь,
Оттуда пришли, чтоб однажды рассеяться пылью.
А буквы в словах образуют узорную вязь,
И даже придумка занятная кажется былью.

Другой ухмыльнётся: и мне бы такую заботу...
Разъяснилось. Звёзд в небе столько, что сбилась со счёта.

12.

Разъяснилось. Звёзд в небе столько, что сбилась со счёта.
А что же с пожаром, с которого я начала?
Трудилась, старалась вовсю до седьмого аж пота
Помочь водолеям – чернилами даль залила.

Случайностей нет, и рассказ получается связным,
Особенно если представить голимую муть.
Подняться бы выше, но в гуще небесной увязла.
Боюсь утонуть: мне не выдохнуть и не вдохнуть.

А где же стог сена? Да там, где был раньше – на месте
(И в нём, высоченном, иголку – попробуй, найди).
Зачем он, не знаю, но в общем сюжете уместен
Бескрайней, безмолвной колышущей зыби среди.

Послание сумбурно, и мысль выражаю с трудом.
С такими сравнениями скоро отправят в дурдом.

13.

С такими сравнениями скоро отправят в дурдом,
Здоровых на нашей планете не так уж и много:
Наверно, присутствует скрытый дефектный геном
(Лишён оптимизма написанный наскоро слоган).

Светлее не стало, хоть звёздами Землю усыпь,
Но многое это, пожалуй, легко объясняет.
Нет смысла кого-нибудь ждать: не пробраться сквозь
зыбь
(Другую причину несчастий мой мозг вытесняет).

И мне остаётся одной дивный мир созерцать
И думать о нём, углубляя изгибы извилин,
Небесным телам – в синей хмари сверкать и мерцать
(За этим Господь проследит, Он велик и всесилен).

Пусть фраза сия не покажется вам пустяком.
Так было и будет вовеки, в году хоть каком.

14.

Так было и будет вовеки, в году хоть каком.
Пространство полночным загадочным светом залито,
(Планеты, кометы – на них бы промчаться верхом;
У каждой – присущая ей круговая орбита),

Блестит да искрится в блуждающих всюду огнях,
Давая свободу полнейшую воображенью:
Что в нижних и что в самых верхних слоях?..
А там – зазеркалье, привычного нам отражение,

И скрыта за гранью тончайшей основа основ,
С чего началось всё на свете – на том и на этом.
Давно написала бы несколько толстых томов
Об истине древней, будь я знаменитым поэтом,

А в жизни моей непутёвой – покой, благодать...
«И скучно, и грустно, и некому руку подать».

15.

«И скучно, и грустно, и некому руку подать»,
Но только страшнее, чем сами, мы вряд ли отыщем.
Да ночью беззвёздной, увы, ничего не видеть.
Кого разглядишь тут? Сплошная кругом темнотища.

Квадратом – зовущий, манящий таинственный мир.
В картине нет светлых мазков, ведь давно свечерело.
Но мы отвлеклись, там повсюду – безмерный эфир.
Всем место под солнцем нашлось, только я не у дела.

Не знаю, смогу или нет дотянуть до утра.
Избавиться мне не дано от душевного гнёта.
От частых заскоков, увы, не спасут доктора...
Разъяснилось. Звёзд в небе столько, что сбилась со счёта

(С такими сравнениями скоро отправят в дурдом).
Так было и будет вовеки, в году хоть каком.

Елена Попова

Поэт, корреспондент районной газеты «Диалог-ТВ». Родилась в 1971 году в г. Нижнеудинске Иркутской области, ещё в детстве увлеклась стихосложением. Участница литературно-музыкальных гостиных и творческих встреч на площадках городов Иркутской области, а также тематических радио- и телепередач, в том числе в Чикаго. Публиковалась в таких отечественных и зарубежных изданиях, как «Слово» (Москва), «Литературная Россия» (Москва), Reklama (Чикаго). Произведения для детей вошли в коллективные сборники издательств «Норд-вест детям» (СПб), «Перископ-Волга» (Волгоград).

Виктор ЦЕБЕРЯБОВ

НЕЛЬЗЯ С ТОБОЙ НА ТОЛИКУ СТАРЕТЬ...
(любовная лирика)
сонеты

Надежда

Господь так повелел тебя любить –
за злым стеклом и в свитых роком путах...
В чужих руках, тугим замком сомкнутых,
тебе продавших лишь спокойный быт

за невозможность думать обо мне
или, не дай Бог, свидеться случайно,
и тем передо всеми поручаясь,
что ты ему жена, и прений нет.

Бежит река издревле и досуже,
и ей родные будто берега.
Да вдруг решение – надо бы впрягать

её в плотину в месте, где поуже...
А, может быть, и хочется реке
чего-то, что от русла вдалеке?..

08. 11. 2019 г.

Незадача

Так много слов, не вложенных в твой путь,
что мог пройти с моим хотя бы рядом –
наговорили, будто мир был пуст,
но всё же запросил у нас пощады:

«Что ж содрогать устои бытия,
пуская морем волны звуковые,
когда давно и точно знаю я –
не повернутся к цели ваши выи,

не задрожат черёмух лепестки
над волшебством несбывшихся свиданий,
а всё и после явится таким –

на все века Создателем нам данным...
А слов так много, видимо, к тому,
что очень плохо звуку одному».

09. 11. 2019 г.

Настроение

Размеренно и точно делит Бог
наш мир на непреложность и желанья...
Куда определиться мне с тобой,
как разместиться нам на Божьей длани?

Ты вся в цвету восходами блажишь,
крича закатам: «Я вас исключаю»!
А мой удел – мечтаний миражи
и буйный спор меж водкою и чаем.

И не пробиться слабому ключу
на столь давно желанную поверхность,
коль не помогут близкие напором –

идёт в просторы споро поезд скорый
под песнь колёс, что про любовь и верность,
и я, пожалуй, тоже свет включу...

10.11. 2019 г.

Жертва

Наверное, уже смысл новый родился
или оттенок тонкий слова «возлюбить»...
Голгофа, где давно Христос к кресту прибит,
у бытности во рту блестит позорной фиксой.

Я – не Иисус, и ты – едва ль на крест похожа,
но луч судьбы лихой высвечивает путь,
где ни вернуться мне обратно, ни свернуть,
и нет субъекта иль объекта, что поможет.

Как кролик и удав истории известны
могучим притяженьем несравнимых тел,
так я в конечный путь едва бы захотел,

не будь так красота магически прелестна...
Но сына коль Господь для нас не пожалел –
то что средь мурашей мой траурный удел?

11. 11. 2019 г.

Страх

Я так боюсь наткнуться на твой взгляд,
вдруг увидавший, что и я старею.
Пытаться буду время умолять
не рассекать пространство своим креном!

Не протыкать иголками тот шёлк,
что на меня накинута при рождении!
Как можно дольше чтобы не пришёл
тот миг, когда не буду знать, что делать

с тем волоском, сидящим чуть-чуть,
но мой покой свергающий в пучину!..
Изо всех сил за краской полечу,

но как процесс мне кто-нибудь починит?
Как все из женщин – жизнью заплачу,
чтоб не увидел ты мою кручину!

12. 11. 2019 г.

Причуда жизни

Примчит река, растянутая в вечность,
одну из меток главных о тебе...
И остановит время чёрный бег,
бег без тебя – бездумный, скоротечный.

Пробьёт восходы шустрые вдруг стыд
за невозможность сумраку продлиться,
в котором молча спорят наши лица,
кого кто больше любит – я или ты.

Лишь птиц крикливых шумная возня
о скуке, что вокруг, собой напомним.
Но так не сразу мы туда вернёмся...

Придётся много заново понять,
как одному, что выходил из комы,
когда ему легонечко икнётся.

13. 11. 2019.г.

Ожидание

Опять летят по небу облака,
и мир сегодня прихотью изваян,
что жаждет лишь движения алкать —
и мчат вперёд куда-то даже сваи...

Упавший в прошлое осенний лист
взметён из праха ошалевшим ветром
и, беспокоясь, что же там вдали,
летит туда, несомый силой щедрой.

А я иду навстречу: где-то там
меня ты ждёшь, и сила ожиданья
не даст штормам порыв мой расшатать,

подскажет каждый шаг ступить куда мне.
Зато потом в объятиях твоих
и не замечу, как надрыв затих.

14. 11. 2019 г.

Не вместе

Я к Вам всего стремился столько, сколько раз
ненужный дождь бросает в осень море капель,
или весной, когда давно уже пора
взойти подснежникам, да выход кто-то запер.

Так для меня тот узкий вход, что заметён
и безразличьем, и позёмкой равнодушья –
на сердце бедном просто боль-кровоподтёк,
что боли в раненной ноге ничем не лучше.

Огромных церберов величье и покой
надежд малейших на проход не оставляет –
но так желанье и стремление велико,

что всё, что сущее, мне кажется стеклянным...
Но принимаю эту данность целиком,
хотя столь многое не входит в мои планы.

17. 11. 2019 г.

Обновление

Покой преднощный исповедь пронзила
зари вечерней, уходящей в тьму...
Туман белёсый, что украл низины,
тем огласив, что нужно так ему,

затеял робкий диалог с травинкой
о переходе вековых проблем
из предреканий, даже и невинных,
в живущих души, чтобы им болеть

не лишь досадой, что так связи тонки
минут, скользящих в пламенный рассвет,
между собой и нашими сердцами,

но и нуждаться в птичьем пенье звонком,
в любви вечной, что всегда внове
и нас с тобой опутала концами...

22. 11. 2019 г.

Приманка

Согнут в поклоне веточки дерева
перед твоей звенящей красотой...
Должно быть, и трава, когда окрепнет,
прошелестит, скучая, лишь о той,

чьи Рафаэлем вписанные ножки
в пейзаж весенний мастерской рукой
ступали мимо скованной дорожки
шагами феи – мудро и легко.

Они во всём – и ветренность, и мудрость,
как близнецов чарующий мираж;
как весь наш мир открытостью припудрен,

под ней же – мало кто бывает прав...
И твой волшебный чудо-силуэт,
быть может, реет, чтобы крикнуть: «Нет!»

23. 11. 2019 г.

Ввысь

Цвет голубого с дымкой платья так ласкал
глаза и неба синь загадкой, вдаль манящей...
Как сам орёл бы проявился среди скал
своим парением, которого нет краше.

И пару раз взмахнув размеренным крылом,
пустился ввысь, там становясь едва заметен.
Так мы порою, размечтавшись о былом,
себя найдём вдруг в самом лучшем из всех лете.

Ты танцевала, пела, нотами рвалась
в такую высь, что резвым птицам неподвластна.
И в дань порыву даже ножки у стола

пытались скрипнуть в увлекающей их страсти...
Я тоже был в недостижимой стране,
где всем счастливым успокоенности нет!

27. 11. 2019 г.

Пересуды

Как роза алая нас манит днём в саду –
так твоих глаз игра в моём воображении...
И бывший хлад в груди теперешней уже не
грозит безжизненностью чёрною, ввиду

тех искр слепящих, что пронзают все миры,
все расстоянья, все бездушные пространства,
снов вереницы без любовного убранства
с одной лишь целию – в душе моей разрыть

не даже яму, не карьер – бескрайний ров,
который сердце нежным трепетом наполнит
и затаит от взглядов праздных и чужих –

быть может, так от кривотолков убежит,
что как в разбуженном штормами море волны
назад не могут, лишь вперёд, вперёд, вперёд...

28. 11. 2019 г.

Предзимнее

Укрыл Покров собой частицу жизни,
где я так жаждал свидеться с тобой...
Мне б хоть крупицу предсказания вызвать
у мироздания: чем сей вызван сбой?

Парад планет ли спрятал дней свечение,
в которых мы мечтательно сильны:
закон свиданий вдруг да стал ничем ли,
меня ль накрыло облако вины?..

Морозов сильных долгих предстоянье
покрыть успело ль изморозью план,
скреплённый нашей подписью – но я не

настолько солнце, чтоб сыскать тепла
и лёгкий путь к тебе одной протаять...
Жаль... ты не там с любимым обитаешь.

29. 11. 2019 г.

Мысли

Простят пусть мне леса, поля и горы
из века в век проложенную страсть
любить тебя и многих тем карать,
что буду вечно в выборе бесспорен.

Простит пусть место матушка-природа,
тот день и час, что встретились с тобой...
Хотя быть мог из длившихся любой –
но самородком вспыхнул тот в породе.

Теперь несу свой непонятный крест –
в его концы вонзилась безнадёжность.
А, сбросив, после жить пусто-порожним

с душою неба серого серей –
наверно, можно, но, наверно, трудно.
...какой-то строй у моих мыслей нудный...

30. 11. 2019 г.

Цветок

И снова мир проваливался в пропасть,
когда ты шла, счастливая, с другим,
а я как будто заживо закопан
под вой прискорбный яростной пурги...

И ни к чему для жизни сердцу биться,
дыханью тоже лучше б замереть,
ибо любви последние крупницы
теперь существованью лишь во вред.

Но ты прошла, и лучик залежалый
живого солнца выбился из туч,
и стала таять ледяная жалость,

напев затеял ветерок, летуч.
И ты сама, вдруг чем-то беспокоясь,
луча коснулась нежною рукою...

01. 12. 2019 г.

Совпадение

Настал и час, смятением звёзд подобран,
забилося сердце трепетно и часто...
Качнулось небо добрым ли, недобрым,
так нужным ли, ненужным соучастьем.

Над Вами воспарил, как в вечность собран
священного восторга малой частью,
нимб чистоты, что сказке неземной брат,
и что манил так светом непочатым.

И мне блазнилось: я туда отобран,
куда других и мысли непричастны —
да прозвучали звуки фуги скорбной

о том, что нимб был светел, но нечаян...
Но был устойчив милый нежный образ
и не сулил ни счастья, ни несчастья.

26. 11.2012 г.

Выбор

Явленьем дней душа тверда
и жизни выбранным узором,
так прояснившимся не скоро,
но так кричащим иногда

на редких встречах с тишиной,
где сумрак мысли беспокоит
и изгоняет те лишь, коим
ввергаться в тайны мудрено

клубком сомнений... В пелене,
что над водой и над мирами,
видение приносит мне

возможный путь — он так изранен
любовью, страстью и гульбой...
Там ты, там свет, там мы с тобой.

11. 07. 2011 г.

,

Аномалия

Так, будто плещет за окошком море
с тысячелетним именем «прибой»,
и будто с ним расстанемся не вскоре,
как ни грозит разлука нам с тобой.

А парус дальний, как и прежде, манит
не показать нам те из всех места,
где улыбнёшься, где весь мир в кармане,
где не придумать, от чего устать.

Где плач наяд всё о любви расскажет,
но зов сирен – уже не нам двоим,
и в словаре померкнет слово «стража»,

не для охраны чуткий херувим...
И за окном – лишь дождь, зимы предтеча,
что сердце грустью и надеждой лечит.

23. 12. 2015 г.

Взгляд

Как предытог безудержных стараний,
как сквозь бесчинства ночи луч зари —
взгляд мимолётный нас надеждой ранит,
в рисуемое дверь приотворив...

В то самое, что и весною ранней
в волнах капли пламенем горит,
что сквозь помехи дня мы явно зрим,
как силуэт шатра уставший странник.

Тот мир, что неизведавшим так странен,
как странен Колизеем Древний Рим,
где мир стоял на обострённой грани, —

что от себя потомкам подарить...
Всего лишь взгляд, который мы так крайне
хотим поймать, как ноту гитарист.

04. 08 . 2010 г.

Пас

Вы как пришествие неудержимо правы,
что мир так сер, и что так хочется блеснуть
тому из смертных подобающей оправой,
в ком не увидеть сверхсиреневой весну

или загадку несравненной Моны Лизы –
значит, быть сором на обочинах дорог
или монахом, что не видит женщин ближе,
чем горизонта даль: столь распорядок строг.

Вы правы тем, что перед жизненной пучиной
мы безоружны, как соломинки исход,
а путь – опасностей неслучайных причина,

а я на стройного идальго не похож;
и даже всходы самой маленькой любви
не благ букет, что так купюрами увит...

18. 03. 2012 г.

Пробуждение

Снег, постигая мартовские тайны,
утратив блеск и силу зимней красоты,
не мог возвыситься до мысли, что и ты
в предвосхищении и ходе не случайна.

Что та морозом отороченная стынь,
как на душе не заживающая рана,
уйдёт в случившееся поздно или рано —
и горизонты нам откроются, чисты.

И как дарованная мне за муки данность,
как почкам в смену — сверхзелёные листья,
за то, что мир так долго сер был и постыл,

ты улыбнёшься, до беспамятства желанна;
и сквозь последний рой снежинок золотых
моя душа прорвётся нежности бураном...

23. 03. 2012 г.

Виктор Цеберябов —

Художник, поэт. Родился на Алтае в 1950 году, закончил художественно-графический факультет Омского пединститута. Стихи начал писать в 2003-м. Публикации: ряд в «Северомуйских огнях», сборник «Диалоги снаружи и внутри» – изд. «Скифия», 2015 год, альманахи братских поэтов, сборник «Над линией и цветом» 507 стр. — Чикаго 2016 год; «Размолвки с вечностью» 533 стр. — Чикаго, 2017 год; сборник «Трепетные миги бытия» 511 стр. — «Полиграф», 2018 год.

Маргарита ИСАКОВА

Абарая*

Бродяга

Кинороман о судьбе коренного сибиряка (история основана на реальных событиях).

Глава 1

Предвестие. Муки предков

Январь 1917 года.

Село Шаманово в Восточной Сибири. Заснеженные деревенские улицы. По одной несутся сани, запряжённые в тройку лошадей. В санях трое пьяных мужиков, один правит лошадьми. Это купец Гавриил Ильич Вотяков, крепкий мужик 43 лет - с чёрной бородой, в расстегнутой козьей дохе и собачьей шапке-ушанке.

Тройка заворачивает в проулок. На пути попадают две односельчанки средних лет в романовских овчинных полушубках.

- Посторонись, бабы! – кричит Гавриил Вотяков.

Те едва успевают отскочить в сторону.

- От чудит Гаврила Ильич! – беззлобно отряхивает свой полушубок от снежных брызг первая односельчанка, глядя вслед тройки.

- Так Вотяковы все таки!

- А чё имя – богачи!

- Ага, в настроеньи, раз куражится, - поддакивает другая, поправляя на голове полушалок.

- Вроде вчера товар в лавку завёз.

- Ну тада понятно!.. Как ни крути, а езли борода в сытости...

**абара му - в переводе с хинди «бродяга я», на русский манер – абарая*

...Сани с мужиками подъезжают к крыльцу двухэтажного бревенчатого дома.

- Вылезай, мужики! – командует Гавриил Вотяков. – Евдокея! – задрав голову вверх, кричит он, глядя на окна второго этажа. - Принимай гостей!

Май 1919 года.

В лавке купца Гавриила Вотякова, расположенной на первом этаже того самого двухэтажного бревенчатого дома, идёт изымание товара. Орудуют трое чекистов в чёрных потёртых кожаных куртках. Двое (лет по 20-23) вытаскивают во двор ящики и кули с товаром, ставя их на три телеги, а третий (лет 30-35) пишет на прилавке протокол выемки. Когда двое молодых чекистов проходят с ящиками мимо, он командует им вдогонку: «С амбаром там разберитесь!» Сам Гавриил Ильич сидит тут же, на венском стуле, смиренно поглаживая свою густую чёрную бороду, изредка бросая взгляд на опустошённые полки своей лавки.

-Иди, Гаврила Ильич, распишись в протоколе, - говорит чекист.

-Ты там, паря, прописал, мол, я сам, добровольно всё андал на нужды партизан?

-Пока что добровольно, - уточняет чекист.

-То-то и оно, - нехотя поднимается со стула Гавриил Вотяков.

-А колчаковский отряд бы пришёл, им бы всё? – испытывает купца чекист. – Ставь свою закорючку...

-Чё тут андавать? – разводит руками Гавриил Ильич. - Вы первы заявили... - Он берёт из рук чекиста ручку с пером, обмакивает в чернильницу и старательно выводит на бумаге свою закорючку-подпись. Когда выводит подпись, уточняет: - А чё ты сказал, мол, покаместь добровольно?

-Всё, кончилось твоё время, Гаврила Ильич! Подыскивай себе домишко поскромней, а этот ни сёдня-завтра придут кон-

фисковывать. – И, встретив недоумённый взгляд купца, добавляет: - Заберут на нужды революции!

-Как же так, паря?! Это, чё ли, я тепери бездомный? Пойду со своим сынам да их ребятишкам по свету бродить? Как бродяга, ли чё ли? Без роду, без племени? Таку домину ишо мой тятя, Илья Егорыч, отгрохал! Чтоб всем в кучке жить... Мне, старшему сыну, передал для прожизванья. Других моих братовьёв тожа не обидел, деньжонок дал, чтоба строилися, и так чё помогал... – Видя, что чекист пока не перебивает, продолжил рассказ: - Средний Васятка помер совсем ишо молодым – под хмельным делом на голой земле заснул, от у иво в нутрях всё и заболело. Застудился! Хоть и конец мая был... А жёнка с двумя ребятишкам подалася к матери в Паберегу. А младший братка живёт в Бохане, там бурятку красиву нашёл, живут дружно, кучу детишков нарожали, миня уж обогнали. – И снова принялся вздыхать: - Таку домину андавай ни за хрен собачий, а сам иди куды хошь?

-Тёмный ты, дядя, хоть и немолодой уже. Садись-ка... поговорим чуток...

Гавриил Ильич послушно присаживается на свой венский стул. Следом на пустой ящик пристраивается и чекист:

-В стране случилась революция, царя скинули... Слыхал, поди?

-Ну!

-Вот те и «ну»! Новая власть правит, а ты за дом ухватился! Радуйся, если в расход не пустят... как пособников контры...

-А эт чё тако - «контра»?

Чекист не успевает ответить, в лавку заглядывает один из его подчинённых:

-Афанасий Мироныч, из амбаров весь провиант грузить?

-Грузите, чё найдёте. Мужики в отряде голодные, спасибо скажут.

-Ясно, - подчинённый уходит.

Чекист обращается к купцу:

-Поди, не последнее забираем, а?

-Да как посмотреть, - чешет затылок Гавриил Вотяков.

-Слушай, - понижает голос чекист, - мне тут подсказали, что мужик ты несволочной, своим горбом да умом добро вместе с сородичами наживали, односельчан вроде не обижал, в долг им товар давал, цены не загибал и так чё помогал, не отказывал... Иногда, бывало, в работники нанимал мужиков, но те сами просились, чтоб свои семьи прокормить. Правда, говорят, не всех брал, может, кто и обиду на тебя затаил...

-Лодырей да воришек отворачивал, было дело.

-Слушай дале... Ещё раз повторяю. Вот-вот тут укрепится советская власть, а она таких мироедов, как ты, не обижайся, так вас теперь называют, не жалует, и обязательно реквизирует у тебя эту домину, и всё ценное у тебя прихватит, вплоть до шаровар, и по миру тебя пустит вместе с твоими домочадцами... Так что собирай пожитки, пока не поздно. И сделай так... Скоро у вас коммуны будут организовать, вот им и передай своё добро – подобиру-поздорову.

-От те раз! Я ночи не спал, думал, как полутче жись наладить, а кто-то заявится на сё готовенькое?!

-Опять ты за старое! Есть один выход – подсказываю, пользуйся. Добровольно сдай свой дом властям - под сельсовет, клуб или школу, они там сами решат под чё приспособить. А сам переходи в каку-нить избу похуже. Я видал, тут у вас есть домишки заколоченные. И живи тихо, как все. Чтoб тебя не замечали. Можить, тада и не тронут.

-Как же самому-то себе петлю на шее затягивать?!

-А так! Твой домина как бельмо на глазу у бедняков! И лошадей пристрой в общее пользование, а каких отдай партизанскому отряду Бурлова. Он скоро здесь будет. И пусть справку тебе напишут. Отдай сам, всё равно ведь реквизируют: или они, или колчаковцы.

-Всех, чё ли, андать?

-Зачем всех? Оставь одну лошадёнку, одну коровёнку... Можить, и пронесёт... – И неожиданно спросил: - Твои сыны-то

где сейчас?

-Так уж твои спрашивали... На Жуковой горе с жёнками рожь сеют.

-А надо бы в партизаны записаться, а не рожь сеять.

-Так ить весенний день год кормит. Да и кто нас в партизаны-то примет?.. Пусть лучше за хозяйством смотрят.

-Ладно, пускай пока на заимке будут, а то бы, небось, воспротивились здесь, кровь-то горячая, молодая...

-Не-е, мои смиренны, да на нужды партизан чё не андаться, - лукавит Гавриил Ильич.

-Ну-ну. А на царской войне сыны твои были?

-По годкам не подошли.

-Понятно. Я смотрю, ты тут навёл в своём доме порядок, твоя супружница с внуками сидят на втором этаже и глаз не кажут.

-А чё тут глядеть-то... Лучше скажи, паря, чё так скоренько менять жись-то собралися? Вроде эту жись отцы наши и деды помаленьку налаживали, не с маху. А тепери как иё одним махом поменять? Люди уж пообвыклися так жить, а как оно ноне будет? Кто знает?

-Никто не ведаёт.

-Во-во, никто не ведает, как оно обернётся... И не с кого будет тада спросить...

-Как-нить потом наладится. Вот вас, купцов-толстосумов, изведут и некому будет молодым рассказать о прежней вашей справной жизни. Памяти у людей не будет - и всё.

-От как!

-А ты как думал!

-Ой-ёшеньки! – со вздохом гладит свою чёрную бороду Гавриил Ильич.

-Вот те и «ёшеньки».

-А я тя признал, паря, от тока сейчас пригляделся...

При этих словах чекист выразительно глянул на купца, но промолчал. А тот продолжил:

-Да и ты, вижу, признал миня, однаха. Иначе чё бы ты тут

со мной рассусоливал, разговоры разговаривал... Ты сын отца Мирона из Архангельской церкви? Я в вашем городишке за товаром заезжал, помолиться зашёл... Ты ишо своему батюшке помогал...

-Лучше бы тебе обознаться. И я тебя, и ты меня видим в первый и последний раз. Понял? Мало ли как повернётся... Сёдня так, а завтра – неизвестно как...

-Ой-ёшеньки! – снова вздыхает Гавриил Ильич.

-Живым останешься – постарайся жить без оглядки, ничё не вспоминать, властям поддакивай. Иначе... Сам должен мозгами раскинуть...

-Да, паря, привыкли мы к етой жисти. Не загадывали шибко, чё там потом прилучится?.. А сичас ишь чё - рубанули, и поминай, как звали! А мы как? Не ко двору, чё ли?

-Выходит, не ко двору. Богатеть всегда опасно - найдётся, кому отобрать.

Снова заходит молодой чекист:

-В амбаре всё подчистили у иво, - кивает на Гавриила Вотякова. - Пару коней бы захватить...

Чекист испытывающе смотрит на Гавриила Ильича:

- Не против, Гаврила Ильич, у тя их без счёту... Потом вернём.

-Забирайте, какой там «против»... Тока Игреньку оставьте, мне иво кум на паску привёл.

Старший чекист поворачивается к подчинённому:

-Счас выйдем, хозяин покажет. Обождите пока.

-Слушаюсь, - молодой чекист удаляется из лавки.

-Это... чё спросить-то хотел... – осторожно начинает Гавриил Вотяков.

-Ну?

-А Николашка-то, чё, сбёг куды?

-Ага, тока пятки сверкали, - чертыхнулся чекист. - К стенке его поставили...

-Да ты чё?! – искренне удивляется Гавриил Ильич.

-Прошлым летом.

-От как!

-Вы чё тут... совсем ничё не знате?

-Так в глухомань таку забралися, как на заимке... Так чё где маненько услышим... Каку весточку попутным ветром занесёт...

-Тока я те ничё не говорил, а ты ничё от меня не слыхал, понятно?

-Как не понять... А государина иво с ребятишкам где? Куды оне подалися?

-На кудыкину гору! – И, встретив недоумённый взгляд Гавриила Ильича, чекист продолжил: - Их в расход всех разом! Под корень! – он решительно махнул рукой, словно отсёк.

-От чё деется-то, - на лице Гавриила Ильича появляется скорбь.

-Ты ишо заплачь! Так, значит, надо было. Не нашего ума дело.

-Детишков жалко... Таки красивеньки на карточке в газетке... Как ангелочки...

-Помалкивай об своей жалости.

Гавриил Ильич вытирает наворачнувшиеся слёзы рукавом поношенного пиджака, надетого поверх атласной косоворотки:

-От времечко-то настало, под корень всех!

-И это тока цветочки, ягодки будут впереди. И не болтай о нашем разговоре никому, даже жене... Слыхал, поди, молчанье – золото?

-Да кому мне шибко сказывать-то? А с Евдокеей мне не об чем говорить, сё уж на сто разов переговорено.

Чекист прощально хлопает себя по коленям:

-Пойдём, покажешь коней, - и встаёт с ящика.

Следом за ним послушно поднимается со стула и Гавриил Ильич.

На пороге чекист останавливается и, внимательно глядя в лицо шедшего за ним купца Вотякова, повторяет:

- И помни мои советы!

Вечером Гавриил Ильич делится своими горестными мыслями с женой:

-От, Дуся, рушится, однаха, наша прежня жись, всё рушится... Не угодны мы богу, чё ли, стали? Так от нас он ноне от-вернулся. Лишни мы иму. Видать, чё-то маненько нагрешили. Как будто прокляты им. Как чумой какой, проказой заражны...

-Это мы-то? – не соглашается Евдокия. - Простодыры обои, дале некуда. На печке лежать долго не любим, от и липнет к нам добро како-никако. А так!.. – Евдокия машет рукой, - дурак дураком погонят... Он... Тоська Зарубина у миня на вечер попросила сипаратор, а сама уж пять денёв не несёт. Я ей: «Тося, мне самой надоть, молоко скопилось, сметану надо сделать». А она мне: «Ну потерпи ишо денёк, дольше ить ждала».

-Почуяли нашу слабину. Ладно, не ходи к ей боле. С утра на заимку махану, поесть нашим готовь, заодно и привезу оттель тятину стару маслобойку, там спрятана в укромном месте, подправлю иё, езли чё, справишься как-нить...

-Тока не забудь, Ганюшка, молочиша ноне много, коровы наперегонки доются, тока успевай подойник подставлять. Вчера ребятня соседска приходила, так имя литров пять отдала, у их ить корова в запуске. И потом ишо придут...

-Ну и ладно, давай пока. – И, помолчав несколько секунд, снова принялся печалиться: - Ой, Дуся, отберут у нас добро наше...

-И куда тока твой тятя таку домину выстроил! – понимает мужа Евдокия.

-А от спроси иво! Поехал с дружкой в Иркутским на ярмарку и увидал там сплошь избы в два этажа. А он ить запошный был, чё задумал – расшибётся, а по иво будет!

Другим вечером в своём доме при керосиновой лампе и початой бутылки с самогоном Гавриил Вотяков ведёт разговор

с теми двумя зажиточными мужиками, что были у него в саях зимой, когда история только начиналась. Выпивают, закусывают салом с ржаным хлебом, и он озабоченно говорит:

-От таки дела, пари! Чё дале будет?.. Мол, Гаврила Вотяков, зажимат простых мужиков. А чё мне делать, езли оне сами просются, детям своим хлебушек как-то надоть добывать. А к кому имя идти на поклон? Тока к мне, я тутака имя самый ближний. Тока от миня помочь.

-От именно, Гаврила! - соглашается со сказанным один из мужиков.

-От и просются. А как я имя откажу? Беру, пусь помогут – и себе, и мне. Всё легче, лишни руки в хозяйстве, не так пуп надрывать, а то не ровён час развяжется... Она ить, грыжа, спрашивать не станет...

-Правда твоя, Гаврила Ильич! – уважительно поддерживает другой мужик.

Воодушевлённый пониманием дружков, слегка захмелевший хозяин дома продолжает:

-Куды их девашь, езли сами просются? Жалешь, канешно. От у нас уж какой годок глухонемой Федька живёт. Куды я иво дену? Жалем парня, пусь, думу, живёт, чашки супа, чё ли, жалко, аль каши? Он не обижатся, смирный такой, работат справно. У нас в зимовье и ночует када летом, к себе в избу к матери не идёт. А коли обижали бы мы парнишку, так убёт бы давно. Так али нет?

-Так, чё зря говорить, - кивают оба мужика. А один из них признаётся: - А я ить хотел такой же дом из лиственницы ставить, как у тя, Гаврила Ильич.

-И Чё – расхотелка опухла? – Гавриил Ильич наливает мужикам самогона в гранёные стаканы.

Апрель 1921 года.

Продразвёрстка. Во дворе того самого двухэтажного дома купца Гавриила Вотякова трое сельских мужиков из бедняков и двое чекистов вытаскивают из амбара мешки с зерном

и грузят их на две телеги. Третий, старший в этой команде, молодой уполномоченный в чёрной кожанке (по разговору городской житель) подправляет гружёные на телеги мешки.

Во дворе за происходящим наблюдают Гавриил Ильич Вотяков, его жена Евдокия, дочка лет семи (в будущем мать главного героя киноромана – Елизавета Гавриловна) и три сына: Антон (25 лет), Максим (22 года) и Сергей (18 лет). Двое старших сыновей - Антон и Максим - со своими молодыми жёнами, держащими на руках малолетних и грудных детей.

Городской уполномоченный обращается к Гавриилу Ильичу:

-Вчера у ты, дармоеда, коммунары реквизировали ценные вещи из дому... Ты почему им швейную машинку в артель коммуны не отдал?

Гавриил Ильич не успел ответить, как к уполномоченному подбежал один из тех сельских активистов, что грузил зерно на телеги:

-Он иё в огороде зарыл, могу показать, мои ребятишки подглядели.

-Иди с конторой в огород, - командует доносчику уполномоченный, - пускай покажет то место.

-Сам Федька, - кивает Гавриил Ильич на выскочку-мужика, - пусть и роет, раз его ребятня уже знат, - не хочет он идти.

-Пойдёшь как миленький! – настаивает уполномоченный.

-А на чём моя Евдокея ребятишкам шить будет - сё отобрали! – сопротивляется Гавриил Ильич.

-Иди – приказываю тебе! – уполномоченный вытаскивает из кобуры наган.

-А чё, пристрелишь миня? - не верит в скорую расправу Гавриил Ильич.

- Кончился твой кураж, Гаврила! - потешается односельчанин Федька. – И дом твой скоро под сельсовет заберут, и по миру ты пойдёшь – как бродяга с сумой. От! Дождался!

-Ах, ты выродок! – Гавриил Ильич схватывает вилы, стоящие возле амбара, откуда забирали мешки с зерном, и направляется с ними на Федьку, тот успевает спрятаться за уполно-

моченного с наганом наперевес.

-Выметайтесь с моей ограды! – Гавриил Ильич решительно наступает на обидчиков.

-Брось, дед! А то стрельну, - уполномоченный настроен серьёзно.

-Тятя! – бросаются к отцу взрослые сыновья. - Брось ты их! - они отбирают у Гавриила Ильича вилы. Тот не сопротивляется.

Но уполномоченного уже заусило. Убирая наган в кобуру, он зло выговаривает:

-Вот заберём сейчас сынка какого-нибудь, попытаем его про бабку...

-Дети-то при чём?! – не выдерживает Евдокия.

-Не бойся, мать, мы так, для острастки, - произносит проходящий мимо другой чекист с винтовкой.

...Две подводы с мешками зерна удаляются от дома Гавриила Вотякова. На одной подводе сидят тот самый чекист с винтовкой и младший сын Вотяковых – Сергей, у него верёвкой связаны руки впереди себя.

Гавриила Ильича в это время удерживают возле ворот остальные домочадцы. Наконец он вырывается, бежит за подводами и кричит:

-Сына андайте, изверги!

Уполномоченный с наганом оборачивается со своей подводы и командует чекисту с винтовкой, едущему сзади на другой подводе:

-Пугани-ка его!

-Счас! – чекист снимает с плеча винтовку и передёргивает затвор, дуло направляет в сторону бегущего Гавриила Ильича. Видим, что дуло выше головы бегущего. Но тут вмешивается Сергей. Решив, что отца хотят убить, он, изловчившись, своим туловищем наваливается на чекиста. Одновременно с этим движением звучит роковой выстрел. Гавриил Ильич Вотяков будто обо что-то запинается, хватается рукой за грудь,

опускается на колени и заваливается боком на дорогу.

-Тятя! – Сергей пытается спрыгнуть с телеги, но его крепко удерживает выстреливший чекист.

-Неужели попал? – удивляется со своей подводы уполномоченный с наганом.

-Да я и не целился, - стрелявший не верит, что попал, - чё это он завалился?.. Видать, с сердцем плохо стало... Отлежится! Дед ишо крепкий! – будто сам себя уговаривает чекист.
- Надо было нам иво, контру, тоже забрать.

-Вот так будет со всеми врагами советской власти. Никакой пощады! – подводит черту уполномоченный, решив, что старший Вотяков убит. И кричит стрелявшему чекисту:
- Сбрось сосунка с телеги, на хрена он нам теперь!

Напарник выполняет приказание старшего, сталкивая с телеги Сергея на обочину дороги.

Ночь. Гавриил Ильич умирает в своём доме от смертельного ранения. С трудом дыша, поперёк груди перевязанный светлым полотном, сквозь которое выступает пятно крови, наказывает сидящей у изголовья и тихо плачущей жене Евдокии:

-Не оставляю я вам достатка... Домину нашу добровольно сдайте коммунакам, покаместь оне сами не забрали... Себе каку-нить избёнку подберите, каки стоят заколоченны... Зиму перезимуйте, а там полегше станет... Рожь, котора в лесу закопана, тихо потребляйте, не с голоду же вам помирать... И на посев оставьте, сейте тока ночью. А там, можить, кака друга власть придёт... помягше... А езли чё - живите смирно, не лезьте никуды... Самим на голом месте придётся наживать добро како-никако... Главно – берегите друг дружку... Сынки – мужики крепки, выдюжут, езли чё...

-Разбудить их? – сквозь слёзы спрашивает Евдокия.

-Пусть спят, чё на миня глядеть такова... И ты не плачь по мне, Дуся. Дурак я был, обижал тя почём зря...

-Нашёл чё поминать, я уж забыла давно...

-Дай бог, заживёте ишо... Не поминайте лихом, для вас ить старался... – Гавриил Ильич застонал от боли, а потом медленно закрыл глаза. Привиделось ему (картинка): он один в лодке, гребёт вёслами, потом бросает грести, смотрит на скалистые высокие берега, любителю напоследок сибирской мощной красотой. Наяву, не открыв глаз, чуть слышно произносит: - Ухожу...

-Ганюшка! – Евдокия, догадавшись, что муж умер, безутешно склоняет голову на его грудь.

В конце апреля 1933 года.

По улице села Шаманово следуют несколько подвод с самым необходимым домашним скарбом. На подводах сидят раскулаченные семьи – дети и женщины. Держа поводья в руках, рядом идут возмужавшие сыновья Гавриила Ильича Вотякова – Антон и Максим.

Две односельчанки, которых зритель видел в начале истории, когда купец Гавриил Вотяков разъезжал по селу на тройке лошадей, стоя у заплота (забора), провожают их сочувствующими взглядами, тихо переговариваясь между собой:

-Гли-ка, кума, дом свой под сельсовет када ишо андали, а сё-равно не помогло.

-Дом-то андали, а жатку с сепаратором скрыли, от их кулаками, сердешных, и объявили.

-От оно чё... Сначала Гаврилу загубили, Дуся с горя померла, младшенький их Сергунька утонул, а тепери и за сыновьёв взялися. Тока парни справными мужиками стали и от на те – дуйте куды подальше, в како-то захолустье их сослали, как раньче каторжников, выше по реке Лене, вроде там золоты приски каки-то...

-Линку хоть не тронули, вовремя девка замуж выскочила за Кешку Протасова. Грят, беременна она.

-Быстро у их сработалось.

-А чё тут такова – дело молодое! Сичас чё-то приболела...

-То-то не пришла братовъёв провожать. Раз заболела, сиди дома, лечися...

-Так меньше на двор раздетой надо выскакивать: то ведро помойно вылить, то полешек принести...

-Ой, да мы таки же были, вспомни себя, заполошну...

-Кешка-то радёхонек, видать: на дочке самого Гаврила Ильича женился, - возвращается к теме замужества одна из соседок.

-Да чё там от богатства-то осталось... Вроде как и не было иво вовсе.

-Так-то оно так, а сё равно приятно парню, что Линка иво не из простых голодранцев.

-Да кака теперя разница!

-Не скажи, кума. Раньше-то богата девка в иво сторону и головы б не повернула. - Глядя на удаляющие повозки, беспокоится: - Ума не приложу, как оне с ребятишками-то до этого Каймонова доберутся? Лошадёнки-то он каки слабы у их...

-Да вроде это тока до райцентра, а там Петька-конюх лошадок завернёт обратно, а их на баржу посадят и утартают по Лене.

-Надолго ли?

-Да хто иво знат! Одному богу известно...

Две гружёные домашним скарбом подводы, с которыми следуют к месту ссылки семьи сыновей Гавриила Ильича, останавливаются напротив их бывшего двухэтажного дома. Теперь это сельский совет, на нём висит плакат: «Кто не идёт в колхоз, тот враг народа!»

Сыновья снимают заячьи шапки, крестятся и кланяются в пояс. Один из них, Антон, негромко произносит:

-Прощайте, мама с тятёй!

Подводы трогаются, жёны утирают слёзы, дети (в каждой семье их по трое-четверо) смотрят на них с испугом в глазах.

...Навстречу следует гружёная манатками подвода, на ней

сидят молодая женщина лет 20-22 и годовалый мальчик. Рядом с вожжами в руках шагает мужчина лет 25-27 в потрёпанной кепке, по виду городской.

Поравнявшись, подводы Антона и приезжих останавливаются.

-Доброго здоровьичка! – первым начинает разговор городской.

-И вам тоже! – отвечает Антон.

-Мил человек, где тут у вас главный? К нему надо.

-Сельсовет, чё ли?

-Ну.

-Езжайте прямо по этой улице, там увидите.

-Вот спасибо, а то больно уж устали, на постой надо в какую-нить избу определиться.

-Определитесь, пустых ноне хватат...

-А вы кто ж таки будете, чьи родичи? – не вытерпела с любопытством жена Антона.

-Никого тут у нас нету, присланы райкомом партии колхоз у вас налаживать, - с важностью сообщает городской. – Я агроном, а супружница животноводству обучена.

-От оно чё... – догадывается Антон. – Ну, бывайте, - трогает он вожжи.

-Антон, как думаешь, в нашу избу их поселят? – снова не удержалась жена Антона.

-Чё болташь зря!

Немного отъехав, Антон останавливает лошадь и окликает агронома:

-Эй! Как ты там по бабушке... Сеять надумаешь – спроси у стариков, они точно скажут, када можно. Главню – не торопись, помни - в Сибири живём.

-Разберёмся! - самоуверенно отвечает агроном.

-Чё он, Кольша, советы даёт? – влезает в разговор уже жена агронома.

-Ага, будто мы сами не сумем разобраться, чё к чему... Нагуливал тут жирок на воле... на молоке да мясе, а мы с тя-

тей на заводчика у станка горбатились от звонка до звонка. Уставал я шибко, какой спрос с пацана...

-Да чёрт с им, не ругайся. Мужик по простоте хотел под-сказать, он же местный. Не то, что мы с тобой... городские.

-А нас чё зря учили? Нашла, кого жалеть, кулачье про-клятое!

-И не говори! – поддакивает жена.

-Во-во! Так что, Мария Прокопьевна, помалкивай, смотри лучше за сыном. Чё-то Юрка покашливать стал, не просту-дился ли в дороге?

Мария шупает лоб сынишки:

-Нет вроде. - А потом смотрит вслед удаляющихся подвод, на которых сидят такие же малолетние дети, как и её, и не-громко произносит: - Хоть бы доехали...

-Доедут, куда денутся!.. – услышал слова жены муж.

-Братка мой с детдома приедет, пускай с нами живёт, лад-но?

-А я разве против? Пускай парень к сельской жизни привы-кат, как мы с тобой, голуба ты моя.

Тем временем Антон с Максимом останавливают подводы напротив наполовину сгоревшей Шамановской церкви. Кре-стятся с жёнами.

-Надо же было кому-то сжечь! – горюет жена Антона. – В других сёлах купола да кресты снимали и под клубы при-способили, а нашу сразу пожгли...

-Молодёжь беспутна, тока бы старо быстрее забыть, - Ан-тон натягивает вожжи. – Но!

Подводы трогаются с места.

Февраль 1938 года.

Село Каймоново в Восточной Сибири.

Вид захудалой избёнки. В ней орудуют чекисты, идёт обыск. Подавленные происходящим хозяева – Антон Вотяков, старший сын Гавриила Ильича, его постаревшая жена, под-

росшие испуганные дети.

Старший чекист, по виду подвыпивший, ведёт себя вызывающе:

-Ты чё думал? Советска власть вас, вражин, отправила в ссылку и забыла?

-Мы же все работали, пользу приносили, - негромко пытается оправдаться Антон.

-Чё вы тут работали! Устроились тихой сапой в Якуттранс и думаете всё? Пересидите тут? Думали, так вам всё с рук сойдёт? Ошибались! Товарищ Ежов вовремя о вас вспомнил, классовые выродки. Собирайся, контра, брат твой уже в саянах дожидается...

Жена, дети бросаются к Антону, плачут.

Антон сам едва сдерживает слёзы:

-Не убивайтесь покаместь, можить, ишо вернуса.

-Вернёшься! – злорадствует подвыпивший чекист.

Май 1938 года.

Пригород Иркутска – Пововариха.

На краю свежерытой ямы-траншеи в числе других восьми арестантов стоят в одном исподнем белье Антон и Максим Вотяковы. Недалеко от них стоят человек двадцать таких же, как они, ждущих своей очереди быть казнёнными.

Восемь стрелков-палачей НКВД прицеливаются из винтовок. Максим обречённо говорит старшему брату:

-Прощай, братка, на том свете свидимся.

-Прощай, - успевает ответить Антон, - строг я был... Не сердчай на миня...

Чекист, стоящий справа от стрелков, командует:

-По врагам народа... огонь!

Раздаются выстрелы. Один за другим приговорённые падают в яму.

Маргарита Исакова

Коренная сибирячка. Много лет работает редактором газеты «Братский университет» (БрГУ). Прозаик и сценарист. Книги – «У страха глаза велики», «Ниточка за иголочкой», сборник киносценариев «Запах русской махорки», киноман «Бродяга навсегда», повесть-путешествие «Живёхонькие конвоиры», очерки о фронтовиках в сборниках «Братчане на фронте и в тылу».

Вадим СКВОРЦОВ

Фото Веры Анищенко

ВИКТОРУ СЕРБСКОМУ

Мой красный галстук пионерский
Не развевался на морозе,
Кабы не он, не Виктор Сербский,
То прозябал бы вечно в прозе.

* * *

Творил, был полон мыслей дерзких,
И видел: жизнь полна грехов.
С любовью к людям Виктор Сербский
Открыл нам музыку стихов.

НИКОЛАЮ ДОБРОНРАВОВУ

Стихи мечты в себя впитали,
В них голос строек, шум дубрав...
К себе притягивают дали
Его спокойный, добрый нрав.

АЛЕКСАНДРЕ ПАХМУТОВОЙ

Над Братском стелятся туманы,
А над Россией – облака,
Теперь сложнее строить планы,
Но знаем мы наверняка:
Былой Союз уж не воскреснет.
Пусть повезло лишь нам одним,
Мы в сердце Пахмутовой песни,
Как веру в лучшее, храним.

ВАСИЛИЮ КОСТРОМИНУ

Неслышно в память крался вор,
Его давно влекла картина,
Где над столом висел топор
В пахучих сизых клочьях дыма.
Там по ухватистым рукам
Гитара весело ходила,
И свежим радостным мечтам
В картине той уютно было...
Цвели задумчиво слова,
В венки отчаянно сплетаясь,
Все беспокойные дела
В застольной песне растворялись.
А вечер в будущее плыл,
Искрился контур плавных линий,
Дрожали тени белых крыл,
И под гитару пел Василий.

ГАЛИНЕ ГНЕЧУТСКОЙ

Давно узнала вся земля иркутская,
Что в Братске северном своих чудес хватает:
Галина Константиновна Гнечутская
В стихах и прозе чудеса слагает.

МИХАИЛУ ЕРМАЧЕНКО

Задорно смотрят книжки с полок –
От самой взрослой до меньшей,
Их автор – анестезиолог,
Но с поэтической душой.

ЕКАТЕРИНЕ СЕРЬСКОЙ

Красавца воспитала сына
И Братску предана навеки,
Гордится ею медицина
И все друзья библиотеки.

ГЕННАДИЮ МИХАСЕНКО

Тепло зимой, прохладно летом,
Когда с любимыми ты книжками.
Сдружил меня он с милым Эпом
И кандаурскими мальчишками.

ЛАРИСЕ ПОДОБАЙ

Лариса – женщина-загадка,
Души стремителен полёт,
Выстрелит в сердце, как в «десятку»,
И сердце сразу оживёт.

ТАТЬЯНЕ БЕЗРИДНОЙ

Когда досадно и обидно
В плену житейского коварства,
То для меня стихи Безридной
Получше всякого лекарства.

АЛЕКСЕЮ ХОМЧЕНКО

Готов весь мир добром засеять,
Он – верный муж, надёжный друг.
Когда я вижу Алексея,
Светлей становится вокруг.

ВЛАДИМИРУ МОНАХОВУ

Живу, резвясь, как в небе птаха,
С надеждой греясь у огня,
Хвала тебе, поэт Монахов:
Ты всё разведаль до меня!

* * *

В стихии слов не знает страхов,
Пример для многих и кумир,
Там, в облаках, поэт Монахов
Стихами нежит грешный мир.

ВЕРЕ КОЗЛОВОЙ

К хранильнице дум благословенных
По-прежнему ценители спешат,
От слов её – простых, проникновенных, –
Как в сказке, расправляется душа.

АЛЕКСАНДРУ ФЕДЬКИНУ

Шутник, мудрец – он словно добрый витязь,
Везде – вверху, внизу и даже между.
У Федькина, друзья мои, учитесь
На мир смотреть с любовью и надеждой.

СПАРТАКУ АРБАТСКОМУ

Не может быть безмолвным зрителем,
Молчать, заметив, что не так,
Ведь в нём живёт дух победителя.
Не зря зовут его Спартак.

ЮРИЮ ЛЕЙДЕРМАНУ

Не стать счастливым, лёжа на диване:
Под тяжестью продавится диван.
Кто слышал о поэте Лейдермане,
О том уже наслышан Лейдерман.

ЮРИЮ РОЗОВСКОМУ

Любовь всегда всему основа
И воплощение Творца.
Творит Розовский своё слово
И согревает им сердца.

НАТАЛЬЕ КЕППУЛ

Свою в культуру вносит лепту,
Умна, собою хороша.
Пусть здравствует Наталья Кеппул,
Её певучая душа.

ОЛЬГЕ АРТЮХОВОЙ

Не доверяет укоризнам,
Врагу не сделает плохого.
Идти по жизни с оптимизмом
Привыкла Ольга Артюхова.

СЕРГЕЮ МОИСЕЕНКО

Неведом взгляду постороннему,
Творил с любовью, сколько мог,
Он видел грешный мир по-своему,
И вёл его по жизни Бог.

ФРЕДУ ЮСФИНУ

Бессменный «Глобуса» главред,
«Варяга» славой вдохновлённый,
Мой мудрый друг, весёлый Фред
Был без остатка в Братск влюблённый.

ЕВГЕНИЮ ВИНОКУРОВУ

На сцене он играл героев разных –
Серьёзных и весёлых балагуров.
О том, что творчество становится заразным,
Не по наслышке знает Винокуров.

ИГОРЮ КРАВЦОВУ

Чтит подвиг наших дедов и отцов
И Братск родной достойно воспеваает.
Нам повезло, что есть у нас Кравцов:
Он своей песней город согревает.

ЛЮБОВИ КУДРЯШОВОЙ

Победы всем даются кровью,
Но я, друзья, сказать хочу:
Тому, кто смотрит в мир с Любовью,
Все пьесы жизни по плечу.

ВЛАДИМИРУ КУЛИКОВУ

Да, он достоин восхищения:
Увидел, высветил, воспел.
В искусстве перевоплощения
Владимир явно преуспел.

ОЛЕГУ ЛОГИНОВУ

Жизнь не его теперь забота,
Но на земле оставил след.
Душа художника – в работах,
От них исходит жизни свет.

ВАЛЕРИЮ КЕППУЛУ

Мы с ним давно единовѣрцы,
Он лѣсть от правды отличит.
А счастлив тот, в чѣм мудром сердце
Живая музыка звучит.

ВЛАДИМИРУ КОРОПУ

Искусством прославляет город,
Он – вдохновения полѣт.
Без устали Владимир Короп
В мир красоты братчан зовѣт.

АНАТОЛИЮ КАЗАКОВУ

Душа полна тепла и боли.
Творить добро всегда готов,
И покоряет Анатолий
Сердечной искренностью слов.

ЮРИЮ БОРДОНСКОМУ

Мечтой душа его согрета,
Для незнакомцев и друзей
Бордонский не жалеет света,
И приглашает в свой музей.

СЕМЁНУ САУНИНУ

Землёй алтайскою возвращён,
Был, как оркестр, многострунен.
Он восхищал, был восхищён —
Пушкиновед Семён Саунин.

ВЛАДИМИРУ НИКИШИНУ

Призывный голос явно слышен
Его чарующих картин.
Любите землю, как Никишин, —
Прохладу гор и ширь равнин.

Вадим Скворцов

Уроженец Алтайского края. В Братске с 1975 года. Автор поэтических сборников «Цветы осенних сновидений», «Быстрые рифмы» и ряда коллективных стихотворных изданий. Член поэтического клуба «У Сербского».

Ольга КОРЕПАНОВА

Байкал не молчит...

Над водой – чайкин крик: писк, визг.
Под водой – рыбий плен: тук-стук.
На воде – серебристый блеск-всплеск.
То волнение волны: бульк, брызг.

То пронзительный ветра свист, дрожь.
То тревожный «ор» – гор.
Шум прибоя: всхлип, хрип.
Тишины первозданной звон-стон.

То Байкала дыхание: «ох» – вздох.
То бурление Байкала: рёв, рык.
Это голос Байкала: зов-зев.
То могучий Байкал: «Ух!».

31.07.19.

Деревья говорят о многом

Деревья говорят о многом меж собою.
К примеру, говорят: «У камня – каменное сердце».
К тому же говорят: «У ветра – ветреные мысли».
И также говорят: «У облака – безоблачное детство».

Но всё не так, совсем не так, а этак.
Всё дело в том, что Облако с пелёнок
училось поливать цветочки-лепесточки,
подпитывать водою почву
и управлять системой высыпания снега.
А ветер с детства выполнял тяжёлую работу,
сдвигая горы с их насиженного места,
меняя сушу, убажая душу...

А камень изначально знал, что будет домом,
а значит, будет защищать людей от стужи.

07.07.19.

Мистраль, загадочный Мистраль

Мистраль, загадочный Мистраль,
Где ты живёшь, в каких краях?
С какой скоростью летишь? Откуда и куда?
Какую норму выполняешь в сутки, разгоняя облака?

Когда ты бодрствуешь? Когда ты спишь?
И отдыхаешь на ветвях деревьев когда?
В какой стране ты поселился на века?
Кого ты защищаешь от дождя?

Кого оберегаешь от невзгод?
О ком заботишься ты, не щадя себя?
– На западе живу, – ответил дивный Ветр.–
Во Франции французов берегу на берегу «от непогод».

Там прописалась вся моя семья.
Там сын мой подрастает – продолжение меня.
Там и моя любимая-любимая жена.
Мы в догоняшки там играем уж который год подряд.

07.10.19.

Наряжалось жидкое тело

Ветер коснулся губами
отраженья в зеркальной реке.
Отражение из амальгамы
повторило порыв души.

Рябь разбежалась кругами
по текущей речной нагоде.
Тишина зазвенела звоном
первозданной слепой немоты.

Нежное солнце ласкало
кожу лазурной воды.
Блики игриво мерцали
переливами на волне.

Наряжали жидкое тело
в удивительные шелка
из материи света и цвета,
из прозрачного лоскутка.

15.09.19.

Де жа вю

Ему было «надцать» лет, а ей – «дцать».
Повстречались они в городе N,
повстречались в пункте «А» или «В»,
а возможно в пункте «С» или «D».

И сыграли они свадьбу на Ок,
и прожили ещё «надцать» лет.
Нарожали деток на «ять».
стали дружно жить-поживать.

Но пришёл неожиданно час «X»
и позвал их в место «Z» погулять,
и оставил их там ночевать
на какое-то эн-ное «время-лет».

Место «Z»: зеро – ничего.
В месте «Z»: зеро – никого...
Было это в городе N,
неизвестном иль известном – любом.

Их преследовал дух «де жа вю»,
но «оттуда» уже: «вю жа де».

29.09.19.

Странствие Страницы

Странная странница странствовала
в Чужестранстве – ином пространстве.
Иностранка искала счастья,
а встретила Чужестранца.

Первого и единственного,
который был ее частью.

Часть «я» была половинкой,
точнее – «Полчеловинкой»,
и даже – «Полчеловеком»!

Полчеловека сидело
на половине стула,
который стоял в полквартире
и в половине дома.

Полчеловека ждало
свою половинку тела,
чтобы она присела
на половинке стула
и заняла часть квартиры,
и поселилась в доме.

Полчеловека ждало,
ждало полжизни Ждуном,
Ждуном, смотрящим в пол-ока,
Пол-оком, глядящим в окна
одной половины жилища.

Из половины окон
в иной половине пространства
он заприметил как-то
чудесную Долгожданку.

И наконец-то конец-то
истории той «хэппиэндной»:
две части сложились вместе,
и получилось счастье.

08.08.19.

Жил да был Чело-Век...

Жил да был Чело-век...

Человека звали «Полвека».

Веки у Полвека были опущены.

Он грустил. И грустил сильно: «грустью грустной».

Его печаль была по времени,

ведь со временем чело-веку стукнуло полвека!!!

«Тук-тук», – сказала Время.

«Кто там?» – спросил Человек.

«Время», – ответило оно.

Полвек не хотел открывать двери Времени,

но оно не спрашивало его и прошло само.

А между тем Время видело Человека-Полвека насквозь,

оно знало, что он хотел прожить целый век!

Полвек уже прожил полвека. Ему осталось еще полвека...

«Это хорошо», – подумал он.

Но жить Полвеку можно было еще полвека,

но в ногу с веком!

«Это плохо», – подумал он...

Полвек хотел, чтобы ему было пол полвека, а не полвека.

При этом выглядит на четверть века да целый век!!!

А на веку у Полвека было написано жить целый век с челом Века с опущенным веком...

Мысль об этом беспокоила Полвека.

От этого ему становилось все хуже и хуже день ото дня... Тут-то к нему тихонечко и подкралась Грусть-Печаль, она заела человека Полвека.

Она его не просто заела, а поедом поедала да заедала им.

Она всё ела и ела того Века с лицом уже немолодого человека.

«Бедолаге от такой беды» стало совсем тяжело,
а потому он стал «страдать да пострадывать».

Он так долго *«переживал да пережжёвывал свои переживания»*, что, в конце концов, Грусть, Тоска и Печаль отделились от него и стали жить отдельно, вполне самостоятельной жизнью.

Со временем к ним подключился Вой.

Ему было так тошно, что он «завыл воем волчьим»:

«У-У-У-У-У-у-у-у-у».

Он всё выл и выл...

Выл он больше на горе: «у-у-у-у-у-У-У-У-У-У».

Выл он больше по ночам: «у-у-у-у-у-У-У-У-У-У».

Выл он больше на луну: «У-У-У-У-У-У-у-у-у-у-у».

А почему?

Да потому...

Ведь Полвеку было невмоготу: «у-у-у-у-у-у-у-у».

«У-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у».

«Угу».

26.05.13.

У человека две руки и две ноги

У человека две руки и две ноги,
и голова – одна,
посередине – на вершине тела.

У головы две камеры,
– два телескопа, микроскопа
и два локатора иль «слухо-аппарата».

А в голове компьютер
с микрофоном, диктофоном.

А в теле двигатель-мотор с часами,
отстукивающими «тиками» и «таками» деньки.
К ним инструктаж приложен:
«вкл.» и «выкл.».

23.06.19.

Там говорят «Ам»

Где-то «Там» живет Ам.
Он всегда говорит: «Гам!»...
 «Ам», – говорит цветам,
 «Ам», – говорит камням.
 «Ам», – говорит облакам.
 «Ам», – говорит дождям.
Ам поедает людей.
Ам поедает зверей.
Ам поедает птенцов.
Ам поедает всех.
 ...Где же живёт Ам?
 Он живёт где-то «Там».
 «Там» говорят: «Ам!».
Кто же такой Ам?
Ам – это вечный Хрум.
Хрума зовут Хрон...

13.03.19.

Одноразовый наряд

Листопад, листопад,
листья кружатся, летят.
Листья падают с небес,
никаких земных чудес.

Ровно в срок осенний дождь
льет и льет который год.
«Сентябрит», и «октябрит»,
и отстукивает дробь.

Листья падают с небес,
никаких земных чудес.
Дождь из листьев и цветов,
дождь цветной для городов.

Поливает из ведра,
наряжает деревья
в одноразовый наряд,
совершая свой обряд.

Платья тают на глазах,
рассыпаются в руках.
Прах из листьев и цветов,
Прах цветной для городов.

«Сентябрит» и «октябрит»,
совершая свой обряд.
Прах рассеян над землёй,
прах развеян над водой.

Листья падают с небес,
никаких земных чудес.
Дождь из листьев и цветов,
Дождь цветной для городов...

01.12.19.

На пустыре пустынном

На «пустыре пустынном»
качели качаются: «кач».
Ветер качает качели,
качает: вперёд и назад.

Качает то тише, быстрее,
качает беспечно: «кач-кач».
Ветер качает качели,
качает: вперёд и назад.

Качает «пустые сиденья»,
качает «пустые места».
Но не пустые, пустые,
там Невидимки сидят.

Там Невидимки дремлют,
там Невидимки грустят,
Там Одиночество с Тенью
напротив друг друга сидят.

Им говорить не надо,
они понимают без слов,
они понимают друг друга,
они помолчать хотят.

Молчат о любви фигуры,
несбывшихся давних мечтах.
Молчат о любимом фантоме,
который не встретят никак.

Ветер качает качели,
качает: вперед и назад.
Качает то тише, быстрее,
качели качаются: «кач».

Качает «пустые сиденья»,
качает «пустые тела».
Ветер качает качели,
качает беспечно: «кач-кач».

07.10.19.

Лимоновый лимон

Лимоновый лимон в горшочке рос.
лимоновый лимон еще не вырос.
В окошко он смотрел в потоке грёз.
горшочек был ему на вырост.
Лимоновый лимон мечтал о том,
что станет деревом когда-то он.
Что станет раздавать лимоны всем подряд.
а «все подряд» лимоны в чай добавят.

19.04.19.

Я уеду в страну Малибу (мираж)

Я уеду в страну Малибу и куплю там себе Марабу.
И увижу птенца колибри, напишу про него верлибры.
Нарисую чудо-картины с фоном ярким аквамарина,
а быть может, и лазурита, а быть может, и изумрита.
И сниму свои мокасины цвета спелого апельсина,
и пойду по песку гулять на формате листа А-5.
А прекрасная парадигма о далёкой стране Малибу,
разукрашенной в «марабу», будет сниться мне наяву...

14.06.19.

Платья шуршат под ногами...

Осень – художница года,
красками красит листву.
Жёлтые, красные листья,
охры и хаки замес.

Ветер – хороший помощник,
платья снимает с дерев.
Желтые, красные платья,
охры и хаки замес.

Старые платья упали,
швы разошлись на глазах.
Желтые, красные платья,
охры и хаки замес.

Платья шуршат под ногами.
Охры и хаки замес.
Шорохи, шелест печальны,
шёпот прощальный вослед: ш-ш-ш...
17.10.19.

Тихая Тишина

Тихо-тихая Тишина
тихо-тихо сидит на крыше.
Тихо-тихо парит в облаках,
«Тише-тише, — она всё слышит».

Тихо-тихая Тишина
тихо-тихо идёт по полю,
тихо-тихо бродит в лесу,
тихо «плавает плавно» по морю...

Собирает в свои закрома
слухи, звуки и пересуды,
пересуды-суды ветров,
звуки дня и беззвучной ночи.

«Хруст хрустящего» снега зимой,
«скрип скрипучей» калитки летом,
гуд-гудок паровоза вдали
и дождя печального «плаки»,

шёпот листьев и трепет трав,
трели птиц и жужжание «жужев»,
водопада — паденье вод,
«грохот грома грохочет» в небе

– нарушает покой в душе,
– тихо-тихо – тишайшей Тиши,
придремнувшей на миг на крыше,
– «тише-тише», – не разбудите...

Тихо-тихая Тишина
тихо-тихо идёт по полю,
тихо-тихо бродит в лесу,
тихо «плавает плавно» по морю...

18.01.20.

Ольга Корепанова

Иллюстратор, театральный художник. Родилась в Братске. Член Союза художников России. Лауреат премии Губернатора Иркутской области. Награждена медалью «Знак общественного признания». Автор книг: «Калямалякия», «Ассоциативная композиция», «Пластилиновая грамота (изд. «Феникс», г. Ростов); «Философские сказки» (г. Барнаул). Победитель Международного конкурса «Indelit» в номинации «Современная проза» (2014 г., г. Барнаул.).

Братский Музей Света Юрия Бордонского

Братский Музей Света находится в здании торгового центра «Элегант-Падун». А историческая коллекция Юрия Бордонского, которая легла в основание частного музея, собиралась и хранилась в родительской квартире дома на Приморской, 49.

Есть в Братске Иркутской области частный Музей Света. Его создал бизнесмен Юрий Бордонский. С одной стороны – современные люстры и светильники, а с другой – старинные приборы, которые стали экспонатами ... магазина «Свет для дома» в крупном торговом комплексе «Элегант-Падун». Здесь любой покупатель, который пришёл в магазин приоб-

рести люстру, может увидеть, как развивался светильный мир начиная с 10 века нашей эры и по сей день. Самый древний экспонат – масляный светильник добрался витиеватыми путями из Византии: ему 1100 лет. Как написал один из посетителей Музея, лампочка раньше даже не знала, что она такая знаменитая. А другой оставил такую запись: «С рождением в Братске Музея Света стало светлее и в жизни».

В музее можно отследить историю светильников, но так же увидеть немало старых снимков, древних монет, человеческих документов русской истории. Основу частного музея составила личная коллекция Юрия Бордонского, которую предприниматель собирает сорок лет. Всё началось в детстве – с удивительных предметов, что он находил в домах бабушек и дедушек, у которых проводил летние каникулы. А одиннадцатилетнему хранителю русской старины решил поделиться с земляками своими сокровищами, открыв частный музей. И теперь многие жители Братска стали помогать Юрию Валерьевичу пополнять фонды. Хотя случалось, что заглядывали и воришки – всё, как в солидных мировых музеях. Я тоже люблю время от времени приходить сюду и узнавать о новых приключениях старинных экспонатов частного Музея Света. Но изначально историческая коллекция, которая легла в основу музея, хранилась в родительском доме на Приморской, 49.

Вот несколько исторический новелл из жизни Братского Музея Света, которые собирает в новую книгу журналист Владимир Монахов.

Письма в стихах от мамы

к разбору о родственниках:

Взвизд.

(Былое)

Нет, словами так не скажешь,
не уложишь, не удержишь,
нужно всё-таки военные
или, может быть, терпенье,
голос, скрик, или тишь,
или вздох — души протест.
Нет! Слова не призовут —
это может только взвизд!

Я сижу и ем каша —
Тетя смотрит, как каша.

Слова можно промахнуться,
Слова можно поперхнуться,
Слово может быть костью,
неуверенным, небойким,
Может злость заронить,
Может память заострить.

Ем, каждый изом сироты —
Тетя смотрит прямо в рот.

Взвизд обидней вилкой брани,
Взвизд сильнее сердце раны,
Взвизд страшней любой угрозы,
Вывет душу, выжмет слезы,
Вбьется в горло поперек
Непримолченный кусок.

Я давится, но ем каша...
Тетя смотрит. Ну, жаль тая!

Тетушка богатая!
Лучше б просто ты сказала:
"Подалась, проклятая!" —
Мне и то бы легче стало...

Но безмолвием мой каша!
Я давится. Но ем. Каша...

Как-то моя старинная приятельница Ольга Кеппул (1947-2017) показала мне письма мамы. И меня больше всего поразило, что все многочисленные материнские послания начинались со стихов, которые она регулярно писала и посылала дочери, как напутствие в жизни.

– Моя мама – Ружицкая Лариса Иннокентьевна (1925 - 1975) – учитель русского языка и литературы. Прожила она всего 50 лет, что по нынешним меркам недолго, но больше всего в жизни ценила Слово. Письма её всегда были иронично-мудрыми, согревали мою душу каким-то особым теплом мамы, которое она вкладывала в каждое стихотворное слово. И я до сих пор бережно храню все эти письма, частенько перечитываю сама и детям, – рассказывает Ольга Петровна. – А это её стихотворение из письма за 1972 год – воспоминание о детстве, которое мне очень нравится, особенно в грустные минуты я люблю его перечитывать.

Когда-то я любил ходить в гости к Оле Кеппул... Много разговаривали, иногда читали друг другу стихи. Как-то за разговором Оля забыла про готовящуюся на плите еду, и всё подгорело. Но вместо бабского крика, причитаний, ахов и охов Оля тут же написала стихотворный экспромт, который каким-то чудом сохранился среди моих бумаг.

Лился возмущённый чай,
И котлеты подгорали.
Погрузив глаза в глаза,
Мы стихи с тобой читали.
Час пройдёт, и ты уйдёшь,
В дом напротив тебя звали.
А за ужин пред семьей
Оправдаюсь ли?

Едва ли!

– И часто пишешь? – спросил я Олю.

– Частенько! Но в основном, когда в магазине в очереди за чем-нибудь стою, – просто ответила она, – Но редко записываю.

– Почему?

– Зачем? Главное – это сочинить. А забылось – туда ему и дорога.

Прошло немало времени в разъединении. Встретились как-то. Я вспомнил, про её способность к рифмовкам, напомнил тот эпизод и спросил – пишет ли она?

– Больше стихов не пишу! - призналась подружка.

– Почему?

– Времени нет на это!

– Да, куда же оно делось? Сейчас в магазинах всего полно, в очередях стоять не нужно, свободного времени должно быть с избытком.

– Вот и плохо, – высказала сожаление Оля о неудобствах советского времени. – Раньше я, пока в очереди стояла, столько успевала за жизнь передумать и насочинять всяких рифмовок. А сейчас всё в магазинах быстро – товар, деньги, чек. Некогда остановиться, задуматься. И вся жизнь теперь так. Бегом, а значит малословесно.

– Жалеешь?

– Иногда жалею!

Господи, подумал я, это, наверное, единственная женщина в нашей стране, которая искренне пожалела об очередях, разрушивших СССР, в том числе. И как тут не согласиться со Стефаном Малларме, для которого мир существовал лишь для того, чтобы могла появиться одна прекрасная книга.

Почему вспомнил об этом, рассказывая о Братском Музее Света? Очень просто – это будничный пример из жизни бабушки и мамы организатора нашего частного музея, предпринимателя Юрия Бордонского. Рассказываю это для того, что-

бы вы понимали, в какой семье жил коллекционер и почему он теперь занимается историей предметов старины.

Бизнесмен рассчитался с художником царскими деньгами

Создатель музея, владелец магазина Юрий Бордонский, решил оживить историческую экспозицию в магазине. А для этого заказал местному художнику Владимиру Никишину фигурки людей, которые несли людям свет. Что из этого получилось, первым увидел я.

– А ты знаешь, как я рассчитался за работу скульптора? – загадочно улыбаясь, спросил у меня Юрий Бордонский.

– Даже пытаться не буду,- ответил я бизнесмену, понимая, что у него есть удивительная история, так как всё в его магазине граничит с чудом.

– И никогда бы не догадался - деньгами времён Екатерины Второй...

– Да ну? – я был сильно удивлён, что русские деньги царских времён ещё в ходу в Братске.

– Представь себе, что художник был несказанно рад моему деловому предложению, потому как сам заядлый нумизмат...

Уточняя затем у Владимира Никишина, как это он пошёл на такую сделку с бизнесменом.

– Я давно коллекционирую старые деньги. В детстве часто проводил лето в деревне. Помогал бабушке по хозяйству. И однажды она решила рассчитаться с трудолюбивым внуком. А в качестве компенсации за мои труды предложила невиданную бумажную купюру времен Екатерины Второй. Я был в восторге от такого подарка бабули. С тех пор заядлый коллекционер – нумизмат. У меня собраны русские деньги разных эпох, особенно много 18 века. И на предложение Юрия рассчитаться со мной за скульптуры царскими ассигнациями я отреагировал даже очень положительно. Теперь моя коллекция пополнилась новыми деньгами эпохи Екатерины Второй.

Фрида и Саша

Саша и Фрида поженились в 1901 году в Самаре. Первую фотографию молодой семьи они сделали в ателье отца Саши Михаила Фердмана. С этой фотографии начался их семейный альбом, который дожил до наших дней. Альбом был красивым, именным, с золотым тиснением – такой даже по тем временам могли позволить себе только состоятельные люди. В нём Саша и Фрида помещали и надписывали каждую фотографию, которую они делали в Самаре или в поездках.

Много фотографий им дарили друзья с тёплыми надписями и пожеланиями долгой и счастливой семейной жизни. Альбом потихоньку заполнялся сначала карточками взрослых людей, а потом родился сынок Павел. С тех пор Павлик стал главным героем семейного альбома.

Кроме Павлика в альбоме было немало детишек – племянников из клана Фердманов начала XX века. Но люди со снимков как-то неожиданно исчезали из альбома, особенно это становилось заметно после революций и войн... 1905, 1914-1916, 1917 годов...

За двадцать лет семейной жизни альбом Фердманов накопил не одну сотню снимков. Каждый фотопортрет сделан в ателье на толстом картоне и, конечно, был событием для семьи – поэтому герои снимков нарядные, улыбочивые, счастливые. На всех фотографиях проставлены даты – 1901, 1903, 1905, 1914, 1917... После семнадцатого года новых фотографий не стало.

А на последней фотографии из семейного альбома, где изображены муж Саша и жена Фрида, есть страшная надпись, сделанная дрожащей женской рукой:

«1921 год. 18 июля нового, 5 июля по-старому, в 2 часа без пяти минут умер мой дорогой незабвенный Саша».

Печаль вдовы после потери мужа понятна, но самое потрясающее для тех, кто видел потом альбом, было то, что Фрида подписала так каждый снимок, где она была с Александром вместе. А это не один десяток фотографий закончившегося семейного счастья. Остаётся только догадаться, что этими страшными словами «умер мой дорогой незабвенный Саша» Фрида пыталась унять душевную боль потери самого родного и близкого для неё человека. После 18 июля 1921 года альбом долго не пополнялся – ни одной новой фотографией – и выглядел как сирота.

Только годы спустя (в 1929 году) в старом дореволюционном альбоме стали появляться новые снимки людей, но с уже незнакомыми лицами: «от Паши и Фани», «коллективные снимки студентов и военных», о которых нам теперь ничего не известно.

Но всё-таки единственный снимок из счастливой семейной жизни династии фотографов был вклеен в конце альбома, где стояла на фоне личного клейма фотоателье Фрида, слегка расплывшая, ещё молодая, но уже навсегда одинокая...

А недавно в Музей Света обратились родственники Фердманов, которые так и проживают в Самаре. Молодёжь составляет генеалогическое древо семьи – ветвь Саши и Фриды для них была потеряна, и они попросили прислать материалы о них. Музей выполнил эту просьбу. История семьи стала чуть-чуть полнее...

Три Юрия – портрет Гагарина из деревенского дома

«Для меня Гагарин в каждой новой записи выглядит всё моложе и моложе. А когда он полетел, был таким взрослым героем, а я всего лишь школьница».

*Галина Врублевская, СПб,
из письма в Музей*

Это типовой портрет в рамке первого космонавта Юрия Гагарина. Портрет жил в старом доме села Кобь, Братского района. Сохранил его рабочий человек из Братска – Николаев Валерий Александрович. После смерти тётушки братчанин

приехал в Кобь и сразу увидел этот портрет. Николаев забрал на память о родственнице только его. Много лет портрет висел у Николаева на работе, радуя взгляд приходящих людей. Так было до тех пор, пока не появился современный Отец Фёдор из популярного некогда романа «12 стульев» Ильфа и Петрова.

Портрет сохранил дух советского времени – времени надежд, искренней радости и гордости за родную страну. Видимо, это и определяет его ценность. Кто-то меряет эту ценность в рублях, а для знаменитого в Братске токаря-виртуоза Николаева Валерия Александровича ценность в напоминании людям о былом величии страны и в маленькой надежде, что оно вернётся!

Что я имею в виду?

Портрет первого космонавта мира Николаев повесил на самом видном месте у себя на работе. Очередной заказчик, из местных рестораторов, предложил продать фотографию Юрия Гагарина для питейного заведения.

- Даю 2 000 рублей, – предлагает бизнесмен Николаеву.
- Не продаётся! – слышит в ответ.
- Даю 5000 рублей!
- Не продается!

На том и расстались. Прошло три дня. Предлагаемая цена выросла до 10 000 рублей. И снова в ответ – не продаётся! Прошел месяц, ставка выросла уже до 20 000. Не продаётся!

Шло время, ставки росли – слишком азартен оказался ресторатор. Сумма достигла 40 000 рублей. И тогда в воспитательных целях, чтобы показать непонятливому человеку, что деньги в нашей жизни хоть и важны, но не главное, Николаев подарил портрет Юрия Гагарина Братскому Музею Света. Ресторатор не мог в это поверить, приходил к нам удостовериться. На месте ли портрет Юрия Гагарина? На месте!

То, что в сознании одному человеку кажется неразрешимой загадкой, для другого просто и понятно.

А ВОТ ВАМ ДРУГАЯ ИСТОРИЯ ИЗ ЖИЗНИ ДРУГИХ ЮР – КОСМОНАВТА ЮРИЯ ГАГАРИНА И МАШИНИСТА КРАНА НА БРАТСКОЙ ГЭС ЮРИЯ ЛАНГАДЫ, которые стали хрестоматийными для Братска:

На строительстве Братской ГЭС работал замечательный рабочий, машинист порталного крана Юрий Лангада. Однажды кто-то из иностранных гостей спросил:

– Кто вас заставил приехать в Сибирь?

– Совесть, — ответил Юрий. — Знал, что в Сибири буду нужнее, чем в Москве.

На пресс-конференции, посвящённой успешному завершению первого в мире космического полёта человека на корабле «Восток», один из представителей буржуазной прессы, задавая вопрос, употребил слово «послали». Юрий Алексеевич Гагарин поправил:

– В этом вопросе я хотел бы заменить слово «послали» на слово «доверили». И я очень горд этим доверием.

Юрий Бордонский тоже так считает — история доверила столько материальных ценностей из своего нескончаемого жизненного потока, поэтому бизнесмен придумал в форме частного донести артефакты до наших детей и внуков.

Содержание

От составителя	3
----------------------	---

Виктор СЕРБСКИЙ

Баба Катя	5
Жертвы политических репрессий на букву «К»	6

Владимир МОНАХОВ

Луковая драма без Шекспира	11
Письмо без ответа	12
Банальная не романтическая история	14
Второй ужин	15
Лопата	18

Владимир ЭКСПРЕСС (В. Сербский)

Оцарапать небо рифмой,	23
В поезде	24
Мне б капельку тепла	25
Восход	26
Расставальное	27
А боль - она боксёр, и раунды к финалу.	27
Лёгкий крест одиноких прогулок	28
Микстура	29
Алгеброй гармонию не измеришь, это точно.	30
Окунулась в Лету призрачная осень	30
Над пропастью висеть, на пуповине смысла	31
Это ведь не великом на гвоздь	31
В хоре гудков и соло диспетчера	31
Перспектива	32
Существо существительное	32
Биткоин	33
Хиросиму чувств уравнивать океаном спокойствия	33

Галина ГНЕЧУТСКАЯ

ИЗ РАССКАЗОВ О ДЕТСТВЕ

Подарок	36
Словесные загадки	37
Свет	39
Уплывающий остров	41

Галина КРАВЕЦ

Крылья.....	45
-------------	----

Инна МОЛЧАНОВА

Сказание о Сергии Радонежском.....	53
------------------------------------	----

Елена ПОПОВА

Давая свободу полнейшую воображенью.....	66
--	----

Виктор ЦЕБЕРЯБОВ

Надежда	77
Незадача	78
Настроение	79
Жертва	80
Страх	81
Причуда жизни.....	82
Ожидание	83
Не вместе	84
Обновление	85
Приманка	86
Ввысь	87
Пересуды	88
Предзимнее	89
Мысли.....	90
Цветок.....	91
Совпадение.....	92
Выбор.....	93
Аномалия.....	94
Взгляд	95

Пас	96
Пробуждение	97

Маргарита ИСАКОВА

Абарая	100
--------------	-----

Вадим СКВОРЦОВ

Виктору Сербскому	119
Николаю Добронравову	119
Александре Пахмутовой	119
Василию Костромину	120
Галине Гнечутской	120
Михаилу Ермаченко	120
Екатерине Сербской	121
Геннадию Михасенко	121
Ларисе Подобай	121
Татьяне Безридной	121
Алексее Хомченко	121
Владимиру Монахову	122
Вере Козловой	122
Александр Федыкину	122
Спартаку Арбатскому	122
Юрию Лейдерману	123
Юрию Розовскому	123
Наталье Кеппул	123
Ольге Артюховой	123
Сергею Моисеенко	123
Фреду Юсфину	124
Евгению Винокурову	124
Игорю Кравцову	124
Любови Кудряшовой	124
Владимиру Куликову	124
Олегу Логинову	125
Валерию Кеппулу	125
Владимиру Коропу	125

Анатолию Казакову.....	125
Семёну Саунину	126
Владимиру Никишину	126

Ольга КОРЕПАНОВА

Байкал не молчит... ..	128
Деревья говорят о многом	129
Мистраль, загадочный Мистраль.....	130
Наряжалось жидкое тело	131
Де жа вю.....	132
Странствие Странницы	133
Жил да был Чело-Век.....	134
У человека - две руки и две ноги	136
Там говорят «Ам».....	137
Одноразовый наряд.....	138
На пустыре пустынном	139
Лимоновый лимон	140
Я уеду в страну Малибу (мираж).....	141
Платья шуршат под ногами... ..	141
Тихая Тишина.....	142

Братский Музей Света Юрия БОРДОНСКОГО

Письма в стихах от мамы	146
Бизнесмен рассчитался с художником царскими деньгами	149
Фрида и Саша.....	150
Три Юрия – портрет Гагарина из деревенского дома ..	153

Приморская, 49

Альманах Иркутского отделения Союза литераторов России

Составитель: В.В. Монахов

Корректурa авторов

Обложка: А.А. Хомченко

Технический редактор: М.В. Хомченко

Подписано в печать 21.02. 2020 г. Формат 148x210 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Тираж 150 экз.

Отпечатано: Типография «Полиграф».

г. Братск, ул. Южная, 8, строение 3, 1 подъезд.

Тел./ф. 41-00-04. E-mail: ps@bratsk.ru

Приморская, 49 – уникальный адрес Братска. В панельном доме возле Братской ГЭС за полвека зародилось два культурно-исторических феномена молодого города. Это библиотека русской поэзии инженера Виктора Сербского и частный Музей Света предпринимателя Юрия Бордонского.

Виктор Соломонович всю жизнь собирал сборники стихов, которые легли в основу муниципальной библиотеки русской поэзии XX века. Теперь она насчитывает около 60 тысяч книг, значительная часть из них с автографами авторов.

Юрий Валерьевич с детства коллекционировал предметы старины, а одиннадцать лет тому назад выставил на всеобщее обозрение в своём частном музее в торговом центре «Элегант-Падун». Братский Музей Света стал уникальным некоммерческим историко-просветительским проектом, посвященным истории развития бытового освещения России и мира. Включен в международный список музеев освещения.

Названием нашего литературного альманаха мы хотим закрепить Приморскую, 49 в памяти сибиряков, как важное историко-литературное место Братска.

Владимир Монахов